

АНОМАЛИЯ

АНДРЕЙ ОРЛОВ

**СТОЛИЦА
СИБИРИ 2029**
БЕРЕГ МОНСТРОВ

Андрей Орлов

**Столица Сибири
2029. Берег монстров**

«АСТ»

2014

Орлов А. Ю.

Столица Сибири 2029. Берег монстров / А. Ю. Орлов — «АСТ», 2014

2029 год. После серии страшных землетрясений на земле наступает Армагеддон. Цивилизация уходит в прошлое. Новосибирск лежит в руинах, выживших немного, половина из которых – зомби и ходячие призраки. Бывший спецназовец Алексей Карнаш, девушка Ольга, беспризорный мальчишка Кузьма и собака пытаются выжить на острове посреди глубокой котловины – раньше здесь был Кузбасс. Неожиданно мальчика похищают. Карнашу чтобы спасти Кузьму придется вернуться в страшный город, где практически не осталось людей, а смертельные ловушки поджидают на каждом шагу. Алексей с Ольгой в поисках мальчика подвергаются атакам зараженных, их преследуют звери-мутанты. А похитители движутся дальше, в Академгородок. Это самое страшное, что можно представить. Тридцать километров наполненной ужасом земли... Монстры из зоопарка. Ходячие мертвецы, дикие собаки, крылатые твари, пикирующие с неба, гигантские крысы... Один из самых интересных романов этом жанре поразит даже искушенных читателей.

© Орлов А. Ю., 2014

© АСТ, 2014

Андрей Орлов

Столица Сибири 2029. Берег монстров

© Орлов А. Ю., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пулеметная очередь красиво обвалила кусок обрыва над головой. Посыпалась пыль, разлетелась каменная крошка. Прелюдию продолжил автомат – облаял остров. Я стряхнул пыль с воротника и высунул нос из-за скалы. А так неплохо начинался день. Ольга почти не орала, пепельная дымка не висела над душой. Метрах в пятидесяти от каменного островка покачивалась причудливая посуда. Возможно, в молодости это была самоходная речная баржа. Но даже в тот год, когда разверзлись хляби земные, этот хлам уже не имел права на существование. Судну дали вторую жизнь, переделали, отправили служить людям. Ржавые борта опоясывали рамы из тавровых балок – отчего грузоподъемность, разумеется, снижалась, но возрастала самооценка членов команды. К лебедке на носу приделали примитивное метательное устройство. На уровне форштевня борт прорезали, и служили жутковатым бушпритом заостренные штыри из цельного металла – явно делающие лобовую встречу с чудовищем нежелательной. Ходовую рубку на корме обварили стальными листами с горизонтальными амбразурами. На палубе мельтешили живописные личности в отрепьях. Трое выбрались из трюма и побежали к борту, волоча за собой автоматы. Бородатые, в несвежих долгополых халатах – что за ветераны Туркестанской революции? Из люка вылупился еще один экземпляр – в очках сварщика и с нелепой конструкцией на голове, похожей на фрагмент Пизанской башни. Он гавкнул на автоматчиков. Я не стал задумываться, зачем товарищ прибил к башке скворечник, подтянул к себе РПК – ручной пулемет Калашникова. Внезапный визит требовал срочных мер. Рулевой опять завел «туберкулезный» двигатель, и посуда, чихая и отрываясь, медленно потащилась по дуге к острову – единственному месту на этой стороне, подходящему для швартовки. Я прицелился. Голова с глупой «короной» пропала. Бывает. Я оторвался от прицела – в этот момент из люка выпрыгнули еще трое и резво припустили на борт. Я стегнул запоздалой очередью, но они уже спрятались за искореженным железом, мешками с песком и прочим хламом, которого на палубе валялось в изобилии. Они смеялись! Им было весело!

– Невероятно, – проворчала откуда-то сверху Ольга. – Он не хочет никого убивать. Пожалел заблудших овечек. Ох уж эта бессильная доброта.

Отчасти она была права – я парень глупый и добрый, как все герои русского фольклора. Мы открыли огонь одновременно – когда из-за лебедки высунулась моргающая морда. Из выходного отверстия вывалилось все, что было в пустой голове, и незванный пришелец хлопнулся на палубу, разбросав немытые руки. Загальдели партнеры по нелегкому пиратскому бизнесу. Из трюма матерился, как бригадир стропальщиков, мужик со «скворечником» – видимо, он умел проницать через палубу. Отворилось клюзовое отверстие выше ватерлинии, и оттуда выбралось что-то, подозрительно смахивающее на ствол пушки. Эта гадость смотрела мне в глаза! Продлилось очарование еще секунду – и меня пришлось бы отскребать от скалы (представляю, как изворчалась бы Ольга)! Ахнув, я схватил в охапку пулемет, слетел с кособорода и покатился за ближайшую глыбу, разрывая свои любимые кожаные штаны. От взрыва заложило уши. В покинутом месте вырос сноп пламени, кособорода снесло, словно он был не камен-

ный. Обвалился пласт обрыва, и над «местом происшествия» взвились клубы рыжей каменной пыли. Какое-то время я выбивал из ушей тревожный колокольный звон, выплевывал крошку. Что поделать – при взрыве, если хочешь избежать контузии, лучше держать рот открытым. Приятная новость для дам – особенно для тех, у кого рот никогда не закрывается...

– Карнаш, ты жив? – на всякий случай спросила Ольга.

– А то, – отозвался я с мужественной хрипотцой. – Чем занимаешься, дорогая?

– Крашу ногти, выщипываю брови и делаю маникюр, – проворчала из-за скалы моя девушка. – От тоски я вою, Карнаш. Разве не слышно?

По правде, я слышал только наших гостей. Они ржали как идиоты, которым показали палец! Баржа медленно смещалась, и над ней висел густой матерный хохот. Я разозлился. Ну, все. Мы тоже можем делать красиво! Я вскочил, одновременно оттягивая спусковой крючок. А это для гостей! Пулемет разразился трескучей очередью, и несколько голов, не успевших убраться, я сшиб! Когда иссяк магазин на сорок пять боеприпасов, я схватил следующий, а короткую паузу компенсировала Ольга со своим АКСУ – таким же подходящим устройством для выбивания мозгов. Она встрясла магазин одной очередью – снова включился я. Кузьма откуда-то сверху швырялся камнями и пронзительно визжал. Камни не долетали, но он не сдавался, и в итоге один из снарядов с победным стуком покатился по палубе. Мы тоже орали – надрывно, во всю мощь пропитанных ядом вездесущего пепла легких. Апофеозом хора стал лай Молчуна, который не лез в гущу событий, а морально поддерживал хозяев, спрятавшись в яме. Расстреляв третий рожок, я сменил позицию – на всякий пожарный. От разнужданного грохота звенело в ушах. Баржа замедлилась, не дойдя до обрывистых скал метров тридцать. Пушка смотрела куда-то вбок, из жерла вился сизый дымок. В трюме царила колготня – похоже, оттаскивали раненого. На палубе валялось несколько тел. Стонал бритоголовый здоровяк, потерявший кроличью шапку с отрезанными ушами. Он полз за мешок с песком, пуля отчекрыжила ухо, и на облеванной палубе оставался размазанный красный след. Выжившие спрятались и, похоже, включили головы.

– Эй, мужики, а чего хотели-то? – инициировал я переговорный процесс, убравшись за скалу и вставляя новый рожок. – Мы бедные!

Действительно, непонятно. Глупо рассчитывать, что на острове живут обеспеченные люди, заваленные едой, горючим и прочими благами скончавшейся цивилизации. Проще притвориться мирными, разнюхать обстановку – вместо того чтобы очертя голову бросаться в бой. Пустые головы? Вряд ли, раз выжили в этом тринадцатилетнем кошмаре. Что-то здесь не так. Парни целенаправленно шли на остров, зная, чего они хотят. Но чего тут можно хотеть?

Баржа загадочно помалкивала, и создавалось впечатление, что на ее борту собрались тугодумы. Мы тоже молчали, даже собака взяла паузу.

– Послушайте добрый совет, мужики! – самоуверенно добавил я. – Убирайтесь подброду! И сделаем вид, что ничего не было!

И снова на всякий случай поменял позицию. Когда-нибудь я точно сотру пупок. Я опасно приподнялся. Происходило что-то странное. Казалось, что наши оппоненты вняли совету бывалого. Баржа застопорила ход и стала неуклюже разворачиваться. Надрывно работал двигатель, неповоротливый монстр, опутанный сталью, рывками менял ориентацию в пространстве, поворачивая нос к морю. Он отошел еще на тридцать метров. И вдруг взревел посаженный мотор, забурила вода, разгулялись волны за кормой! Судно с внезапной прытью развернулось еще на двадцать градусов и помчалось вправо, в обход острова! Возмущенно заворчала Ольга. Что-то пролаяли Кузьма с Молчуном. Я запоздало разгадал их маневр. Обогнуть клочок суши и высадить десант на восточной стороне, где имелась еще одна подходящая для швартовки бухта. Дело трех минут. Но откуда они узнали, что на востоке имеется подходящая для швартовки бухта?! Взревели голосистые глотки, поднялись по команде выжившие пираты, и разразилась суматошная пальба. Я полз, закусив губу, нырял в расщелины, обдирая бока о

шершавые камни. Наш остров сильно изрезан, камень на камне, плита на плите, повсюду лабиринты и провалы. При себе остались два рожка для пулемета – должно хватить. Ублюдки точно не знали, что восточная и западная оконечности соединены глубоким разломом, по которому проще бежать, чем ползти! Рискуя здоровьем, я скатился с обрыва и припустил по петляющей пади. Секунд через сорок я уже карабкался на обрывистую террасу, стал прилаживать сошки между бурыми глыбами. Сверху сыпались камни, гавкал Молчун. Не по-детски выражался тринадцатилетний оболтус Кузьма – которого мы с Ольгой фактически усыновили и теперь имели полное право лупить широким кожаным ремнем (но почему-то уступали это право друг другу). Когда ревящее чудовище возникло в поле зрения, я уже лежал, разбросав ноги, и был готов к труду и обороне. Как они знатно подставились! Моторный отсек с бензобаком – корпус в этом месте съеден ржой, его пробьет не только пуля, но и камень. Над бортом – оружие глотки. Пираты сгрудились у правого борта, чтобы прыгать на плиту, с которой очень удобно начинать освоение непокорной «терра-инкогнита»... Посудина уже разворачивалась, им оставалось до слепой зоны порядка сорока метров. Еще немного, и я бы не попал в моторный отсек. Я застрочил, затаив дыхание. Я бил напористо, методично, кучно, стараясь думать лишь о том, куда летят мои пули. Они вонзались в борт, рвали на куски истлевшее железо. Орала бандиты, не ожидавшие столь быстрого реагирования. Они открыли беспорядочный огонь по кучке камней, не разобравшись, где сидит пулеметчик. Пламегаситель на конце ствола – не панацея, но какую-то пользу он приносит. Я перенес огонь на десять градусов выше, сбил пару «кеглей». А когда они меня засекли и заорали, снова с остервенением долбил в моторный отсек. Я добился своего! Они успели лишь гавкнуть парой очередей, когда в машинном отделении что-то заискрилось, хлопнуло! Сквозь пробоины было видно, как там разгорается пламя. Автоматчики завертели головами, прекратили стрелять. Двигатель отказал, но плавсредство по инерции шло. Тут и случился второй взрыв. Разлетелся на куски бензобак, прорвалась палуба, и сноп пламени выплеснулся наружу. Бандитам уже было не до меня, они метались по палубе. Усатый тип в нищенских обносках, подпоясанных армейским ремнем, не заметил, как под ногами разливается горящее топливо. Он вспыхнул разом – обноски занялись, как пропитанная соляной ветошь. Оружий человек-факел метался по палубе, оставляя дымный след. От него шарахались товарищи. Он догадался броситься за борт, лишь наполовину обгорев. Всплывать там уже было нечему. Пламя охватило дощатую палубу, взмыл в небо веселый «пионерский» костер. Из трюма с матюгами лезли двое. Но наверху их не ждало ничего светлого и радостного. За кадром жизнерадостно улюлюкал Кузьма, швырялся по инерции камнями, залиvisto гавкал Молчун. Ольга зачищала палубу из АКСУ. Я тоже не успокоился, пока не извел последний рожок. Мстительно рассмеялся: мужики, предупреждали же! В финальной части я подлил масла в огонь: отбросил пулемет, выхватил из подсумка гранату Ф-1 (уж этого добра на острове хватало), вырвал чеку и, хорошенько размахнувшись, швырнул. Граната ухнула посреди палубы, добавив новых красок в картину полного разгрома. Трещали проржавевшие борта, кренилась рубка. Верхняя палуба, объятая огнем, разваливалась на глазах. Судно садилось на корму, медленно тонуло. Глубина в том месте, по моим подсчетам, составляла не меньше двадцати метров – достаточно для небольшого кладбища погибших кораблей. Двое выживших карабкались на нос: старший, потерявший свой «скворечник», и жердья с длинными руками и шрамом поперек глаза. Первый раздобыл спасательный круг и даже успел в него облачиться. У второго подручных средств не было. Их догоняло пламя, но они успели перевалиться через накренившийся борт. Я от души им сочувствовал, поскольку знал, что сейчас произойдет. Оба вынырнули в нескольких метрах от тонущей посудины – с выпученными глазами, они отчаянно колотили руками. А вокруг несчастных уже забурила вода, происходили закономерные процессы.

– Помогите... – хрипел жердья. – Будьте вы людьми...

Какая интересная постановка вопроса. Впрочем, помочь мы не могли даже при всем желании. На гибнущей планете подходила к концу вкусная и здоровая пища. На каждое блюдо приходилась масса претендентов. Взвизгнул обладатель потерянного «скворечника». Он яростно отбивался от кого-то ногами. Спасательный круг не помог. Вспучилась вода, завертелись трубовидные тела с матово поблескивающей чешуей. Их было много, они водили веселый хоровод вокруг обреченного. Физиономия исказилась, посерела, приобрела какое-то глупое выражение. И вдруг перекосилась, он распахнул желтозубый рот, но кричать уже не мог. Вода вокруг него сменила цвет. Он извивался, но не тонул – спасательный круг держал на воде. Закатались глаза, движения становились конвульсивными. Похоже, бедолага уже расстался с ногами. Но еще не умер – рванулся, словно пробудился от спячки, в загоревшихся глазах объявился смысл. Вынырнуло оголодавшее существо – туловище, как у змеи, остроконечная башка с бусинками глаз – в принципе, угорь, но немного переусердствовавший в росте – разверзлась пасть, как на шарнире, хищные зубы впились бедолаге в лицо, сорвав его, словно маску. Чудовище с добычей ушло под воду. Кровь хлестала как из ведра. Порвался круг. Распластались на воде бранные останки, но недолго побыли в состоянии покоя. Бурлил водоворот, змеились чешуйчатые тела. Завертелось туловище, голодные твари рвали его на куски.

– Помогите! – хрипел жердьяй. – Убивают!

Он плыл к острову, размахивая несуразными конечностями, а в выпученных глазах застыл первородный ужас. Он взвизгнул, развернувшись на 360 градусов, но продолжал грести. Объявилась очередная охотница за дармовой добычей – в полете растопырились клиновидные плавники – и одним махом отхватила «терпящему бедствие» руку по середине предплечья! Брызнула кровь из растерзанной культи. Пловец машинально продолжал грести – взлетала и опускалась здоровая рука. Новая атака – тварь возникла из-под мышки, впилась во внутреннюю часть плечевого сустава, затрещали сочленения...

Я опустил глаза, уж больно неаппетитно это выглядело.

– Ну, жесь... – пробормотал с «верхнего этажа» Кузьма.

Когда я снова посмотрел на море, процесс трапезы уже завершился. У местных тварей не было привычки кушать с достоинством и пережевывать по тридцать раз. Остатки пищи, плавающие на поверхности, миглом разобрали. Сомнительно, что кто-то тут наелся. Но червячка определенно заморили. Вода в отдельных местах еще бурлила, мелькали хребты, голодные глаза пытливо озирали акваторию бухты. Судно затонуло. Последней ушла под воду накренившаяся рубка. Плавали обгорелые доски. Сползли в воду последние «неодушевленные предметы», но и с ними быстро расправились. Взбрыкнул полутораметровый, покрытый зеленоватой слизью «угорь», и воцарилось неустойчивое затишье.

Да уж...

Наверху завозились, покатались камни, прозвучал зловещий женский смех, от которого в иных обстоятельствах застыла бы кровь в жилах.

– Выкусили, засранцы? – хохотала Ольга. – Понравилось? Удачных выходных, вурдалаки!

– Ты уверена, что сегодня выходной? – удивился я.

Она споткнулась, видимо, удивилась, кто там внизу такой говорящий?

– Сегодня – нет. Выходной будет завтра... Не поверишь, Карнаш, – проворчала моя единственная и неповторимая, – но я много работала бессонными ночами, чтобы высчитать текущую дату. Ты храпел, а я считала. Сегодня 13 июля 2029 года. Пятница. Пятница, 13-е. И почему я этому нисколько не удивляюсь?

– Надо же, – посетовал я. – И куда несется время? Оглянуться не успеваем...

Это действительно было так. Каждый божий день, наполненный ничегонеделанием, тянулся как черепаха по пересеченной местности. Но когда эти муторные дни складывались в недели, месяцы и пропадали в бездонной пучине прошлого, оставалось изумляться – куда они делись? День едва начался, а я уже чувствовал себя как механизатор, закативший в гору

заглохший трактор. Я забросил за плечо отяжелевший пулемет и полез в гору. Встал на полпути и обернулся. Обгоревшие бревна бились о висящую над морем скалу. Выживших не наблюдалось. Я не мог избавиться от какой-то стыдливой неловкости. Но они же первые начали? «Нужно доски вытащить из воды, – подумал я, – высушить, распилить и пустить на дрова». От дровяных запасов, заготовленных осенью, оставалась жалкая кучка. А календарное лето в наше время – это как раньше поздняя осень.

Тяжело сопя, я взобрался на вершину. За скалой сомкнулись несколько вертикальных плит. Между плитами притулился наш рукотворный домик – воплощение мечты бездарного архитектора. Я потащился к дому, напевая под нос: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути».

– Что такое бронепоезд, Карнаш? – высунулся из-за плиты бледный Кузьма. За девять месяцев этот хулиганистый шкет совсем не изменился – как бы даже меньше не стал. Светлая мордашка немного округлилась, волосы отросли до лопаток (он никого не подпускал к себе с ножницами). Он щеголял стоптанными бутсами, пухлой курткой из брезента и смешной шапочкой, похожей на «пирожок» члена Политбюро ЦК КПСС. В этом объемном наряде он смотрелся вообще коротышкой.

– Начать с того, Кузьма, что для начала ты должен выяснить, что такое поезд. Рельсы, шпалы, вагон-ресторан... – проворчала белая как мел Ольга, выбираясь из-за скалы. Время одеться по форме у нее имелось – приближение «неизвестных» мы обнаружили не в последний момент. Я невольно залюбовался своей девушкой – стройной, нестареющей. Отмытые черные волосы (намедни в нашей «больнице» был банный день) выбились из-под шапочки. Она смотрелась отлично, и никого тут не волновало, что Ольге Черушиной уже далеко за тридцать. Даже куртка, сшитая собственноручно из брезента, смотрелась элегантно и с претензией на стильность. Автомат в изящных ручках тоже не казался жутким анахронизмом.

– Сама ты шпала, – проворчал Кузьма, неприязненно покосившись на «приемную маму». – Я знаю, что такое поезд. Когда я был маленьким, я заходил по делам на вокзал «Новосибирск-Южный». Там было много перевернутых вагонов. Даже паровоз валялся. Я с него еще блестящую табличку оторвать пытался...

Беседа как-то не клеилась. Все собрались на краю утеса, смотрели вниз, где неприкаянно болтались под скалой обгорелые доски. В событии имелось что-то знаковое, но других подсказок в голове не было.

– Да уж... – запнувшись, пробормотала Ольга и выразительно глянула в мою сторону. – Премию Мира мы точно не получим.

– Нашла о чем печалиться, – фыркнул я. – Будем считать, что провели показательную тренировку. А что мы должны были делать? – возмутился я. – Лапки поднять? В дом пригласить? Они же первые начали. Классические бандюки, на них клейма ставить негде...

– Да ну их, – вздохнула Ольга. – Все понятно. Просто не по себе. Много месяцев не видела, как умирают люди... А тебе, Карнаш, – она строго свела выщипанные брови – нужно развивать навыки работы в команде.

– Замечательно, – восхитился я. – Мало того, что я виновен во всех мировых процессах, так еще не умею работать в команде. Ты не перебарщиваешь, дорогая?

– Но ты же забыл про нас? – настаивала Ольга. – Ты был занят своим делом, бегал там внизу со своим пулеметом... Ты как футболист нашей сборной, которому плевать на команду, он бегает по полю, никому не пасует и озабочен лишь тем, чтобы самому отличиться и чтобы все видели, какой он крутой. И чего уставился? Снова скажешь, что Бог на женщине отдыхал?

Я давно уже понял, что понятие «с милым рай в шалаше» – полная фигня. Никакая гибель мира не переделает женщину. Но сегодня ссориться мне не хотелось.

– Ну, вы поговорите, – ехидно проворчал Кузьма и побрел на свою «голубятню», вычесывая вшей из шевелюры.

– Ногти не забудь постричь, – бросила ему в спину Ольга, – ты обещал. А то скоро в лемура превратишься.

– Ага, щас, – Кузьма даже не удосужился обернуться.

– Ладно, замнем... – Ольга расслабилась, соорудила жалобное личико и зарылась носом в мою «суровую» куртку из неразрываемой дерюги. Я тоже ее обнял, накрыл нас обоих своим капюшоном. Несколько минут мы стояли на промозглом июльском ветру, набираясь спокойствия. Другая женщина мне не требовалась. Временами она бесила, выводила из себя своими колючими язвами, претензиями и придирками, но это было нормальное явление. Надеюсь, я ей тоже был небезразличен. Не зря же она заявила девять месяцев назад: всё, мол, шабаш, я нашла человека, которого буду бесить весь остаток своей жизни...

– Мы что-то делали? – прошептала Ольга, поднимая на меня печальные глаза. – Ну, пока не приплыли... эти. Уже не помню...

– Что-то делали, – согласился я. – Ты встала не с той ноги, у тебя было паршивое настроение, ты ворчала, что отдала мне лучшие девять месяцев своей жизни, а я это не ценю, и даже кровать у нас хромая...

– Да, – вспомнила она, – я хотела разобраться с тобой раз и навсегда – ты действительно разозлил меня своим наплевательским отношением ко мне. Но эти пираты все испортили, уже не хочу...

– Как я тебе сочувствую...

Я обнял ее покрепче. Потом отстранился и стал обозревать окрестности. Мы стояли на самой высокой точке нашего острова. Распахнулась панорама пресноводного моря. Беспорядочно наваленные глыбы, небольшой глиняно-земляной участок на южной стороне, где раньше произрастала чахлая растительность, а сейчас все было вырублено, вскопано, и возвышались две примитивные теплицы. Со всех сторон – бездонная колышущаяся масса. Мутные волны облизывали камни, отступали, снова набрасывались. Горизонт был чист. Небо, как обычно, затянула серая муть – облака вперемешку с пеплом. Но сегодня эта муть парила высоко, запах гари почти не чувствовался.

– Лешенька, а что это было? – жалобно про тянула Ольга. – Мне как-то неуютно... Мысль гоню и не могу прогнать. Они ведь не просто так приплыли, им что-то было нужно? Что им тут намазано? Мы не богачи, на нас не разживешься...

Я тоже терялся в догадках. Три посещения за последнюю неделю. То месяцами – никого, то тянутся, как в Мекку. Шесть дней назад в зоне видимости обозначилась некая самоходная бандура. Она подошла и встала в паре кабельтовых от берега. Самодельный барк, сколоченный из обломков древотары и по внешним обводам отдаленно напоминающий катамаран. Команда на рожон не лезла, давая понять, что неплохо воспитана. Мы стояли на горе, все четверо, и случись провокация, успели бы разбежаться. Они прекрасно видели, что мы вооружены и не горим желанием принимать гостей. В гости в наше время с добрым сердцем не ходят. На борту у них имелись пулеметы и что-то вроде мортиры. Но последняя была зачехлена, а пулеметы смотрели в другую сторону, и расчеты к ним не подходили. Некто маленький, в драном плаще, поверх которого была наброшена жилетка-безрукавка (видно, мода теперь такая), разглядывал остров в бинокль. Затем отдал приказ, и катамаран ушел в море. Не прошло и трех дней, как объявилось новое чудо техники – ржавый катер, украшенный парусной мачтой и диковатыми подобиями крыльев из брезента и сварных рам. Наличие парусной мачты объяснялось легко – зачем изводить горючее, если есть ветер? Наличие же крыльев объяснялось лишь клинической долбанутостью членов экипажа. На борту толпились люди не самой приятной наружности, но и они агрессии не проявляли. Впрочем, подошли они ближе, чем предыдущие – на дистанцию кабельтова. Пришлось спуститься к берегу и занять позицию. Вид укрепленной в треножнике пращи, способной метать гранаты Ф-1 на дальние расстояния, парням не понравился. Посове-

щавшись, они ушли. Мы вздохнули с облегчением, и, видимо, зря. Третья «ласточка» не только сократила дистанцию до критической, но и хорошенько нас взбодрила...

– Все в порядке, – успокоил я. – Враг не пройдет. А если пройдет, то все равно победа будет за нами.

Весь последующий день мы занимались повседневными делами, не забывая поглядывать на море и гнать дурные мысли. Привязав себя к скале страховочным тросом, я подтаскивал багром остатки неприятельской посуды, выволакивал на берег и здесь же разделявал на дрова. В хозяйстве не было ничего лишнего. Вода под ногами бурлила, сновали косяками голодные твари и поедали меня глазами. Эволюция в мире происходила странным образом. Угри и судаки мутировали быстро, превращаясь в жутковатых монстров, одержимых лишь идеей добыть пропитание. Себе подобных они не ели, нападали на беззащитных и местных «вегетарианцев». Иногда они выпрыгивали из воды, щелкали зубами, но дотянуться не могли – за долгие месяцы мы обзавелись соответствующими навыками, как выжить в непростом мире. На всякий случай на соседнем камне пристроилась Ольга с автоматом и внимательно следила, чтобы резвая тварь не прыгнула дальше положенного. При этом она ворчала, что я медленно работаю, у нее масса неотложных дел, и ей совершенно не в жилу охранять покой «этого ленивца». Временами нас охватывало беспокойство, мы шутили, но уже с опаской: если эти умные и прожорливые твари так быстро мутируют, что мешает им однажды обзавестись легкими, лапами вместо плавников, приползти в наш дом и осуществить свою заветную мечту?

Кузьма на соседней глыбе занимался добычей хлеба насущного. Рыба под ним вилась косяками. Ворча под нос, что это «не судаки, а мудаки какие-то», Кузьма натягивал прашу, выстреливал камнем вниз. При удачном попадании всплывала оглушенная рыба. За крупными экземплярами он не гнался – опасно и тяжело. Как только добыча показывала брюхо, он хватался за острогу и бил до тех пор, пока рыба не подыхала. Затем подтаскивал к себе примитивный сачок из арсенала «рыболова-любителя», захватывал им рыбу и выбрасывал на берег. Рыбалка сопровождалась умеренным риском. Не всегда пойманная рыба оказывалась мертвой. Не всегда ее товарки с одобрением смотрели на происходящее. Выныривали из воды, хватались за сетку, норовили уволочь на дно вместе с пацаном. Приходилось привязывать к скале и то и другое. Кузьма наловчился. Но так было не всегда. До сих пор мы с ужасом вспоминали его первую рыбалку в сентябре месяце. Он свалился со скалы в самый неподходящий момент – когда нас с Ольгой рядом не было! Мы примчались на истошные вопли. Кузьма, который в жизни никогда не плавал, крича, как подорванный, улепетывал от свирепой гадины, которая едва не хватала его за пятки. Уму непостижимо, как он доплыл, выкатился на берег, а потом еще сутки не мог прийти в себя, в итоге подхватив простуду. Пережив потрясение, мы подтрунивали над ним: дескать, молодец, научился плавать за одно занятие. «Амфибия ты наша», – ласково шутила Ольга. «Полуамфибия, – поправлял я. – Еще не плавает, но уже не тонет».

Закончив заготовку дров, я перебрался в дом и под строгим оком надзирательницы приступил к работам по укреплению стен. Наша избушка располагалась в расщелине. С трех сторон ее подпирали скалы, причудливо вставшие «домиком» – и эти естественные «щиты» предохраняли жилье от прямого попадания снаряда или мины. Но ветра избу трепали. По дому гуляли сквозняки, выдувало утеплитель, приходилось постоянно конопатить дыры. Зимой ветра были студеными, печка, доставленная с судна, работала круглосуточно – что не очень позитивно сказывалось на запасе дров... А примерно месяц назад нам пришлось пережить жутковатую ночь. Планета еще не умерла, в недрах Земли продолжались процессы. Страшных толчков после памятного 2016 года больше не было, но временами землю потряхивало. Мы проснулись оттого, что пол ходил ходуном, вздымались половицы. Трещали стены. Сверзился Кузьма со своей «голубятни» на наши сонные головы. Мы вынеслись из дома, толком не успев одеться, и остаток ночи сидели на улице, сбившись кружком и укрывшись одеялом.

Афтершоки продолжались несколько часов. Островок периодически вздрагивал, в недрах что-то ворчал. Землетрясение разбудило водную стихию, всю ночь свирепые волны обрушивались на скалы. От каменных глыб, висящих над водой, откалывались гигантские куски, катились осыпи. Скалы на вершине не упали, и дом практически не пострадал, но утеплитель вывалился весь, обрушились несколько распорок, и все последующие дни мне было чем заняться (можно представить, чего я наслушался). Впрочем, имелся в событии и позитивный момент: море выбросило на берег массу оглушенной рыбы, и утром мы ходили с мешками, собирали ее. Отдельные глазастые мутанты еще брыкались шиповидными плавниками, тянули к нам свои эффектные пасти, унизанные иглами зубов...

А в целом жизнь на острове не отличалась разнообразием. Чего не скажешь о предыдущей жизни. Приключений хватило бы на несколько романов. 2016 год. Приличный во всех отношениях молодой человек из благополучной семьи, отслужил армию, имел невесту, неплохую работу в структурах банковской безопасности... День города, 123-я годовщина Новосибирска, мегаполис стремительно развивался, становился центром притяжения за Уралом, обходил обе столицы по обеспеченности магазинами на душу населения, по количеству возводимых метров жилья на ту же душу. Стремительно росли микрорайоны, вводились в строй какие-то предприятия – о чем воодушевленно вещал с трибуны градоначальник... Фразу «Земля вступила в стадию повышенной сейсмической активности» природа восприняла буквально. Землетрясение разразилось в разгар празднования, ближе к вечеру, когда город заполнили толпы гуляющих. Новосибирск рассыпался как картонный. Дороги перекрыли завалы. Рухнули мосты через Обь. Половину мегаполиса объяло пламя. Спасательные службы не работали. Вытаскивать людей из-под завалов было некому. Метались выжившие, стонали раненые. Я скулил, как щенок, ползая по развалинам утонувшего в воронке дома, где жили родители. Бежал, ополоумевший, через площадь Станиславского, по улице с тем же названием, а вокруг царил ад. Сила землетрясения была такая, что людей в домах буквально раздавило. Лавинами рухнувших стен давило горожан на улицах, спасения не было нигде. Я успел промчаться по Димитровскому мосту перед тем, как он окончательно рухнул. Ползал по развалинам пятиэтажки на привокзальной площади, выискивая свою невесту... В городе выжило не больше пяти процентов населения – остальных просто смело и раздавило. Умирали раненые – ввиду отсутствия медицинской помощи. Трупы разлагались, увозить их было некому, буйствовали инфекции. Прорвалась плотина, и на город из Обского водохранилища устремилась вода. Несколько дней Новосибирск напоминал разрушенную Венецию, а потом вода ушла в новообразованные подземные пещеры. Уже бесчинствовали мародеры, сбивался в банды криминальный элемент. Желаящие выжить шли в вооруженные группы. В одно мгновение планета, какой мы ее знали, перестала существовать. Сместилась земная ось. Наводнения, пожары, прорывы плотин. Города с многомиллионным населением проваливались в пучины. Трещали и расползались материки, уходили под воду. Водные артерии меняли русла. Взорвались вулканы, в том числе и те, что имели приставку «супер». Атмосферу на многие годы заволокло пеплом, пропало солнце. Взрывались реакторы на атомных станциях, сеть локальных «чернобылей» накрыла планету. Сибирь, возможно, пострадала меньше – в силу своего континентального положения. Материк не раскололся, разрушительных наводнений здесь не было. И тем не менее огромный город прекратил существование. Связи с прочими регионами не было. О том, что творится на планете, оставалось лишь догадываться. Но это никого не волновало – людей заботило лишь собственное выживание. Уцелевшие спешно вооружались, забивались в норы. Свирепствовали банды. По городу расползалась радиация, мутировали вирусы – слишком много в этой местности оказалось предприятий с опасным производством. Но самое страшное началось, когда радиация вступила во взаимодействие с вирусами и болезнетворными микробами...

Я бежал в компании себе подобных с правого берега Оби на левый. Но и там не нашел свой «элизиум». Вырваться из города было невозможно – все пространство, окружающее Новосибирск, превратилось в череду непроходимых кряжей и разломов. Между городом и Кузбассом разлилось пресноводное море – просела часть Западно-Сибирской равнины, и образовавшийся котлован заполнился водой. Я нашел пристанище в городе Оби – спутнике Новосибирска, где правили бал военные, и прожил в сносных условиях без малого двенадцать лет. Я добывал антибиотики, еду, обменивал их на другие ценные товары. Иногда пробирался в город, переправлял (за небольшую плату) желающих в колонию. Обретенные в спецназе навыки не дали пропасть. А на мертвый город опускалась тьма мракобесия. Холодало с каждым годом. Запасов еды становилось меньше – как и колоний с приличными обитателями. Лютовали банды, всевозможные секты, орудовали шайки каннибалов. Рыскали стаи мутировавших собак – злых и вечно голодных. Проблема поиска еды и борьбы с холодом становилась во главу угла. Для ВСЕХ. В каком году появились так называемые «зараженные», сказать уже трудно. Возможно, года три, четыре назад. Новая болезнь отчасти напоминала бешенство. Люди подхватывали инфекцию, и она за несколько дней превращала их во всепожирающих монстров. Они напоминали зомби, хотя формально оставались живыми. Кровь по организмам циркулировала. Болезнь развивалась стремительно, в несколько этапов. На первых порах больной не представлял опасности для окружающих (если забыть, что он являлся разносчиком инфекции). Его преследовал жар, ныли суставы, человек становился вялыми, бредил. Потом наступала ремиссия – голова обретала ясность, он мог ходить. И буквально через день – сокрушительный удар. Все менялось. Мозги атрофировались полностью, искажались черты, воспалялись глаза. Больного одолевал мучительный голод. В нем просыпалась невиданная сила. Он мог бегать, как спринтер, лазил, как муравей, по развалинам, а если видел еду, то превращался в одержимое животное. Он умерщвлял живое существо за несколько мгновений, давился горячей плотью, и от этого зверел еще больше. За несколько недель эти твари обрастали струпьями, гноящимися ранами, теряли человеческий облик. Они сбивались в стаи, шныряли по развалинам в поисках пропитания. Их побаивались вооруженные головорезы, каннибалы, сторонилось мутировавшее зверье. Нормальные люди при их приближении зарывались в норы, но это редко спасало – у зараженных на горячую кровь имелся особый нюх. При укусе такого существа человек не превращался в аналогичного зомби (болезнь передавалась по воздуху, и спасали от нее только несколько препаратов, включая тетрациклин), но это мало утешало. Если укусили, то непременно доедят...

Полчища зараженных девять месяцев назад атаковали город Обь. Там было чем поживиться. В защищенной колонии проживало несколько тысяч человек. В головах голодных бестий оставались крохи разума. Голод призвал их к дисциплине, к слаженным действиям. Целая орда прорвала оцепление, бросилась на город. Их удалось остановить ценой тяжелых потерь. Уцелевшие обложили колонию, проникали в подземные коммуникации, буравили землю, как черви... Мне в любом случае пришлось бы бежать. Пришел мой час. Полковник Гнатюк в свете выросших на голове кустистых рогов не позволил бы долго жить. Появилась информация, что в жилом массиве Снегири на севере города люди живут нормальной жизнью, развивается колония. К подобным слухам я всегда относился настороженно, но выбора не было. Одному не выжить. Я бежал с ближайшей же «оказией» – примкнув к колонне бронетехники. И началась безумная свистопляска. Гибель колонны, каннибалы, золотистый ретривер Молчун (скорее, грязный ретривер), истосковавшийся по хозяйской руке. Мы улепетывали от людоедов, от обезумевших зараженных, от страшноватых собак. Ольга Черушина – дочка классной руководительницы – судьба швырнула мне ее в качестве подарка (за что судьбе я премного обязан), беспризорник Кузьма, едва не пустивший нас по миру... Вчетвером мы пробивались через центр, где каждый метр пути был ловушкой, и до сих пор непонятно, как нам удалось выжить. Прорвались через ВЕСЬ город в северные районы, отмотав не меньше тридцати кило-

метров! В Снегирях поджидал очередной конфуз. Да, там имелась колония, люди жили в безопасности. Если не обращать внимания на одну небольшую специфику... Кабы не Ольга, то эти чертовы амазонки, опустившие мужчин ниже плинтуса, стерли бы нас в порошок! И не важно, что одна из них была когда-то моей невестой! Мы удирали, как зайцы, из проклятого 5-го микрорайона, а за нами неслась толпа озверевших амазонок и мужиков в их услужении. Все пути были отрезаны, свободной оставалась лишь дорога к свежееобразованному морю, на берегу которого и раскинулась колония. Мы захватили плавучую каракатицу (явно самоделку, хотя и качественную), кинулись в пучины, шли зигзагами по морским просторам, сбрасывая с хвоста взбешенных баб...

Мы были одни посреди бескрайних просторов, когда впервые за много лет выглянуло солнце! Но радость оказалась преждевременной. Надежда, что пепельная дымка рассосется, не сбылась. Небо затянуло, и за девять последующих месяцев мы ни разу не видели солнца. Но воздух здесь был намного чище, чем в городе – это и стало решающим фактором в выборе места обитания. Но поначалу мы об этом не думали. Мы шли на восток, избавляясь от погони. Горючего хватало. Имелись запасные баки. Мало того – при детальном рассмотрении мы обнаружили на судне массу интересных вещей. Похоже, амазонки собирались на этом корыте что-то покорять, но мы обломали им все планы. Трюм был забит – одеждой, одеялами, запасами вяленой рыбы и консервированного мяса, датированного 16-м годом. Спички, свечи, инструменты, гвозди, несколько коробок со столь необходимыми антибиотиками, два мешка соли. Имелась даже столовая посуда! Вид вилки привел Кузьму в замешательство, и после его заявления, что эта зубочистка крайне неудобна в применении (разве что зуб отогнуть), мы еще долго над ним подтрунивали. Помимо нужных вещей, имелась масса ненужных: парочка резных стульев из дорогого гарнитура, женские платья, электрические лампы, мобильные телефоны, шкатулка с золотыми украшениями и даже пухлый кошелек с российскими рублями (мы обклеили ими свое жилище и ежедневно любовались – чтобы не забыть, как выглядят деньги). «Какое нескромное обаяние буржуазии», – ворчала Ольга. Мы провели полную инвентаризацию трофеев и объяснили Кузьме, для чего нужен футбольный мяч, которому он не мог найти применения. Кончилось тем, что он запнул его по дурости в море, а потом жалел. Но мы успокоили парня, мол, ничего страшного – великой стране, в которой мы когда-то проживали, удавалось многое, но не футбол...

Мы плыли на восток – надеялись, что в Кузбассе имеются условия для жизни. Утром следующего дня, после шторма (который мы с честью пережили), мы сделали интересную находку. На отмели у каменного острова красовался крупный, практически перевернутый катер. Его сплющило и насадило на клыки скал. Похоже, бедняги направились к острову, чтобы найти спасение от разбушевавшейся стихии, но не рассчитали, и их швырнуло на камни. Мы перебрались на потерпевшую бедствие посудину. Выживших не осталось – удар был такой силы, что людей размазало по отсекам. В «закромах» мы нашли еще одну партию интересных вещей: древние армейские шинели, ящик гранат оборонительного действия, пулеметы, автоматы, четыре коробки с боеприпасами и прекрасно сохранившиеся кроссовки фирмы «Адидас». Кузьма их мгновенно прикарманил, а через неделю порвал. Все перечисленное мы в то же утро перетащили к себе на судно. Молчуну тоже повезло – он отыскал на погибшем судне выжившую крысу, поиграл с ней в родео, а потом с аппетитом съел.

Мы продолжали двигаться на восток, но уже к вечеру текущего дня поменялись планы. Из дымки навстречу вынырнула тихоходная баржа, набитая людьми. Мы развернули весь имеющийся в распоряжении арсенал. Но в бой вступать никто не собирался. Публика на барже оказалась мирная. У них практически не было оружия. Несколько измученных молодых мужчин, с десятков женщин и две дюжины пожилых людей, половина из которых была больна, а другая половина ранена. Эти несчастные представляли жалкое зрелище. Мы пристали бортами, поговорили. Узнав, что мы идем в Кузбасс за лучшей жизнью, молодые люди развеселились.

А потом объяснили, что номер не пройдет. В районе Кемерово произошло локальное землетрясение, остатки города провалились в пучину, все залило водой. Условий для существования там нет **ВООБЩЕ**. Плюс какой-то ядовитый газ – он весьма активно выходит из разрушенных горняцких шахт и расползается по региону. Даже малая толика этой гадости вызывает острое удушье. В качестве примера молодые люди показали своих спутников, с одутловатых лиц которых визуально сочился яд. У беженцев имелась информация, что относительно сносная жизнь – в Новосибирске. Настала наша очередь посмеяться. Мы объяснили несчастным, что если описать жизнь в Новосибирске одним словом, то будет емкое слово «трындец». Как ни крути, а лучший вариант: 5-й микрорайон под названием Снегири. Молодым женщинам там сохраняют жизнь и дадут «достойную» работу. Что им точно не светит – так это изнасилование. Молодых мужчин, возможно, тоже пощадят, но будут вытирать о них ноги. А вот с престарелой частью компании будут проблемы. Нахлебники в колонии не нужны. Каждый отдает по способностям, а получает по минимальным потребностям. Беспомощных либо выбрасывают, либо расстреливают. «Нам плевать! – шумел народ. – Хуже не будет! Мы их уговорим, они же люди! Неужели нет у них сострадания? Расскажите, как туда доплыть?» Баржа подалась своей дорогой, мы сочувственно посмотрели ей вслед и задумались. Кончилось тем, что мы повернули на север и через десять миль наткнулись на каменный остров. Мы хотели просто передохнуть, но когда его обследовали, то задумались. На клочке суши было неплохо. Масса укрытий, естественная защита. «Можем соорудить здесь дом, – предложил я. – Утеплить и пожить нормальной отшельнической жизнью. Нас же не тянет на историческую родину? А любой посягнувший на наш суверенитет получит по башке». «Можем, – подумав, согласилась Ольга. – Тем более что этот островок находится в стороне от так называемых судоходных путей, – и продемонстрировала недюжинную, поистине мужскую логику. – Закавыка лишь в том, дорогой, что на пороге зима. А здесь, не забывай, ветра, так что можно представить... Чем мы начнем и продолжим отопительный сезон? Вон тем криворуким деревом, которое, если не ошибаюсь, единственное?» Помимо дерева, на острове произрастал чахлый кустарник, но в целом Ольга была права. Спас положение подходящий случай. В расстроенных чувствах мы собирались отплыть, но тут обнаружили скособоченную посудину, дрейфующую к северу от острова. Живых людей там, похоже, не было. Мысль возникла спонтанно. Мы устремились на нашей каракатице к незнакомцу, взяли его на бордаж и хорошенько исследовали. На корыте даже трупов не было. Возможно, ее оторвало где-то от причала. В днище зияли пробоины. Если бы не мы, оно бы утонуло через день. Судно практически целиком состояло из сгнившего дерева. Мы прицепили к нему буксирный трос и доволокли до гавани, насадив на мель. Целую неделю мы работали как проклятые! Пилили, рубили, таскали. Заготовили целый сарай дров и даже просушили их. Собственное судно мы спрятали в крохотной бухте, замаскировав брезентом. На каракатице имелось все для поспешного бегства: запас еды, оружия, необходимых в путешествии вещей. Все остальное мы перетаскили на остров – в том числе буржуйку из трюма. Постройка дома вылилась в занимательную процедуру. Советчиков было больше, чем нужно, и даже Молчун постоянно куда-то лез. Дом получился странным, но состоял из двух этажей. «Голубятня» плавно переходила в нишу, образованную скалой, так что жаловаться на стесненность бытовых условий у Кузьмы не было оснований. Ни опирайся дом на скалы, он бы, естественно, завалился. Я наслушался по мере строительства такого, что хватило бы на несколько бракоразводных процессов! В принципе, эмоции были понятны: пока шла работа, мы жили в пещере, наслаждаясь студеной романтикой. «Дорогая, ты всегда на позитиве», – заявил я однажды, что и послужило причиной нашего первого бытового конфликта. «Ну, и дал мне Бог семейку, – возмущался я. – Вы ничего не делаете, только критикуете!» «Да ты еще больше нас ничего не делаешь», – ядовито парировала Ольга. Кузьма ей охотно поддакнул, и даже Молчун согласно пролаял. Мы въехали в новую «квартиру». На следующий день Ольга ехидно заявила: «Дорогой, не пора ли нам переселяться из этого ветхого аварийного жилья?» Лучше бы я жил

в развалинах и каждый день отстреливался от каннибалов и зараженных! С горем пополам жилье было построено, и, как водится, внезапно пришла зима. Чтобы совсем не затосковать, я занимался рыбной ловлей, колотил какую-то мебель. Поддерживал судно, спрятанное в бухте, в исправном состоянии. Пристроил к дому сараюшку с отхожим местом – чтобы далеко не бегать. Выходить на улицу без суровой нужды было глупо. Тринадцатая зима от начала новой эры выдалась крайне тяжелой. Печка работала без остановки. Температура в помещении даже после яростной растопки не поднималась выше двенадцати градусов. Дули промозглые ветра. В «светлое» время было темно, как в сумерках, ночами царила египетская тьма. Единственный плюс в такую зиму – мимо острова никто не ходит. Снега практически не было, лишь иногда скалы засыпала мелкая крупа, но ее быстро выдувал ветер. Море тоже, как ни странно, не замерзало. Но вода была густая, вязкая, со льдом, плавать в ней было невозможно. Большую часть времени мы сидели возле печки, тоскливо смотрели на пламя, слушали, как потрескивают дрова, как бесится ветер за пределами жилища. Ольга ворчала, что ей смертельно надоела «рыбная диета» – не жизнь, а сплошной четверг – знаменитый рыбный день! Кузьма терзал нас одним и тем же вопросом: а летом точно будет теплее, чем зимой? Молчун помалкивал – лежал под печкой, свернувшись в клубок, спал по двадцать часов в сутки. Я часто думал о том, что происходит сейчас в Новосибирске. Живых людей с каждым годом становилось меньше. Летом население сокращалось от набегов зверья и зараженных, зимой – от холода. Бесчинствовали банды, а в силу резкого сокращения продуктов питания их члены зверели еще больше, не гнушались любой пищей, включая мясо мутантов и человеческую плоть. Не удивлюсь, если они уже начинали подъедать друг дружку. Жизнь в колониях становилась невыносимой, количество колоний сокращалось, они постоянно подвергались атакам голодной публики разного пошиба. Вполне возможно, что и в Снегирах пал последний оплот человеческого духа. Разве по силам амазонкам сдерживать напор озверевшей от голода массы? И я не устал поражаться: эти трое всегда сытые, в безопасности, в относительном тепле, работать не заставляют, так еще и постоянно ноют! Ольгу раздражало ВСЁ, любое слово наперекор вызывало нездоровую реакцию. Доставалось и Кузьме с Молчуном. Приступы активности сменялись депрессией. Тупое равнодушие перетекало в жажду познания. В трюме судна было несколько книг – все почему-то под авторством Александра Дюма – она зачитала их до дыр и могла цитировать наизусть с любого места. Но добрее от приобщения к прекрасному она не становилась. Любое невинное замечание в духе: «Дорогая, ты упорно не желаешь облегчить жизнь моему психиатру», – рождало бурю. Она объявляла бойкот, метала молнии, плакала – боже, кого она пустила в душу с грязными ногами?! Я настойчиво советовал ей обзавестись психологом. А Кузьма и Молчун в такие часы скромно поджимали уши и старались не высовываться.

Весьма странно, но в этих несносных условиях пришла весна. В середине апреля среднесуточная температура подскочила на несколько градусов. В мае поднялась до плюс десяти, и ночами мы уже не мерзли. Начало лета было теплее предыдущего! Вторую фуфайку можно было не надевать. Вместе с природой оттаивала Ольга. Она уже не была сгустком желчи и противоречий, хотя и не упускала возможности при случае позубоскалить. Но в целом настроение у женщины было сносное. «Замечательно! – объявила Ольга. – Закрываем зимний рыбацкий сезон и открываем летний купальный!» В один прекрасный день она вступила в фазу активного поиска. Она точно помнила, что видела осенью в трюме что-то интересное, но не придавала значения, ведь для зимы это не актуально! Полдня она ковырялась в трюме нашего суденышка – и нашла. Она примчалась с двумя крохотными пакетами, наполненными подозрительной субстанцией, и поставила в известность: это семена! Она старая искушенная дачница! Ольга носилась как угорелая (и что характерно, никого не подпускала к своим игрушкам), а мы сидели в стороне и наблюдали за процессом. Роль главной ехидны перешла ко мне. «С началом, мол, весенне-полевых работ, дорогая. Что это ты там делаешь? Заходишь на посадку картошки? Или это конопля?» В пакетах действительно были семена – непонятно какого растения. Похоже,

амазонки собирались открывать новые земли, а мы им нагадили. На крохотном участке, где была каменистая почва, Ольга выкорчевала корни, вскопала землю, перемешав ее с золой. Из обрывков пленки соорудила подобие парника (снисходительно разрешив мне сколотить каркас). Она прогревала землю кострами, обильно поливала ее водой и только после этого решилась закопать семена. Самое смешное, что через пару недель они пошли в рост! Вылезали зеленые побеги, и мы посматривали на Ольгу с уважением. Кузьма не уставал интересоваться: «Уже можно есть?» А то ему смертельно надоела злая рыба. В одной теплице явственно просматривались всходы морковки. Во второй вымахали крупные продолговатые листья, навевающие смутные ассоциации. Тщательно их обнюхав, я вынес безжалостный вердикт: «Поздравляю, дорогая. Традиционный русский корнеплод с острым вкусом и характерным послевкусием. Хрен обыкновенный. Утешай себя тем, что он относится к семейству капустных. Ты уверена, что это то, что нам нужно?» Ольга расстроилась, но я успокоил ее, напомнив, что рыбка с хреном – как ни крути, деликатес...

Утро после боя (ладно хоть не после свадьбы) выдалось муторным и тоскливым. Под тремя одеялами было не жарко. Я озирался спросонья наши хоромы, в которые опять начинало задувать. Такое ощущение, что по ночам просыпается злобный домовый и выдергивает паклю из щелей. В хоромах было чисто, на столе стояла фарфоровая посуда. Ольга каждый вечер ее мыла и расставляла в «боевом» порядке. На резном венском стуле лежали два укороченных автомата Калашникова с откидными прикладами, а на спинку было наброшено красивое вечернее платье. Видимо, снова, дождавшись, пока я захраплю, Ольга примеряла этот артефакт, крутилась перед зеркалом и горько плакала. На нее иногда находило. Однажды ночью я проснулся и чуть не обомлел. Перед кроватью в мерцающем свете стояла восхитительная стройная женщина в красивом платье. Волосы были распущены. Она молчала, по лицу ее сновали причудливые тени. Дыхание чуть не отшибло, забилося сердце. Внутренним чутьем я понял, что это не сон, но пока навел порядок в голове, чуть кондрашка нехватила...

Окно в нашей спальне было сравнительно большим – по размеру иллюминатора, который я демонтировал с ходовой рубки. Небо затянула сизая муть. Таково уж лето в наших палестинах. Ничего фатального за ночь не стряслось. В обеих бухтах, где могли высадиться гости, я установил подобие сигнализации. Тонкая проволока была натянута на высоте десяти сантиметров (островитяне, зная об этой каверзе, ее просто перешагивали – и даже умный не по годам Молчун). Натяжение срывало со скалы камень. Падение вызывало осыпь, и вся эта лавина обрушивалась на листы жести, учиняя невообразимый гвалт. Ночью «растяжку» было не видно. А днем обнаружить появление посторонних мы могли и без сложных технических приспособлений – хотя бы по лаю собаки.

Печка за ночь прогорела, но сугробами комната пока не обросла. Молчун приподнял смышленную морду, зевнул. Ольга не спала, смотрела на меня стеклянными глазами. Она опухла со сна, волосы разметались по подушке. Она ни разу не стриглась за девять месяцев, и короткая прическа с мальчишеской челкой превратилась в бесформенную гриву морской сирены.

– Что смотришь? – сказала она охрипшим голосом. – Не узнал? Хорошо выгляжу? На мне опять выросли? А, знаю, – догадалась Ольга, – ты хочешь сделать мне грязное предложение?

Мне абсолютно не хотелось ссориться. Ей, видимо, тоже. Но натура была неистребима. Я что-то пробормотал про запаздывающего психолога, она зафыркала. Я сделал попытку ее обнять, она вырвалась. В принципе, это было сопротивление, которым можно пренебречь, но я не стал упорствовать.

– Ладно, – вздохнул я, отползая на прежние (и еще не остывшие) рубежи, – все равно я тебя никогда не разлюблю.

– Еще бы, – фыркнула она. – Чтобы разлюбить, надо сначала полюбить.

– Давай, развлекайся, – заворчал я. – В чем еще я провинился? Тебя не люблю, в команде работать не умею, руки из задницы растут. Продолжай, снимай с меня стружку. Лучше бы порчу сняла.

– Кто-то наложил на тебя порчу? – оживилась Ольга.

– Ты.

Шквальная истерика, по счастью, не разразилась. Ольга задумалась. Потом посмотрела на меня как-то виновато, прикусила губу. Я тут же воспользовался ситуацией, подобрался ближе.

– Я же говорила, – обрадовалась Ольга, – ты хочешь сделать мне грязное предложение. Ты озабоченное животное, думающее только о сексе. Не дам, – она активно завозилась, заворачиваясь в одеяло, ехидно постреливала в меня глазками.

– Ну и не надо, – пожал я плечами. И процитировал не помню кого: «Честь девичью блюла, но не со всеми... И жить не хочется, и застрелиться лень...» Как будет слово «блюла» в настоящем времени? – невольно задумался я.

– Блюёт? – предположил из «голубятни» Кузьма.

– Ты почему не спишь?! – возмутились мы синхронно, с негодованием уставившись в потолок. Ольга расстроилась – я это точно заметил. Очевидно, в глубине души она рассчитывала на секс.

– А почему я должен спать? – с вызовом бросил пацан. – Утро уже, блин... Ладно, развлекайтесь, чего там, не буду вам мешать...

Он, заспанный, бродил по своей каморке, скрипели и прогибались половицы. В доме идеальная коммуникация между полами! А Кузьма уже вступал в интересную фазу развития, когда становится интересно, чем же занимаются эти двое, когда поблизости нет ТЕХ двоих?

– Нужно его отселить, – расстроено заметил я.

– Нужно строить дом с нормальной звукоизоляцией, – отрезала Ольга, но не стала углубляться в тему. Наверное, понимала, что дом с нормальной изоляцией мы бы строили до лета. – Дружок ему нужен, – осенило ее.

– Скорее уж, подружка, – ухмыльнулся я.

Ольга задумалась. Я вытянул руку, обнял ее, она не возражала. Мы устроились удобнее. Но расслабляться не стоило – Кузьма блуждал по «детской», запинаясь о свои игрушки и прочие необходимые вещи. Чертыхнулся, загнав занозу в пятку. Предупреждали, между прочим: не спи босиком. Раздался резкий чих – Кузьма подпрыгнул, вскричал от боли и глухо вымолвил слово, неприемлемое в среде воспитанных людей. Ольга хрюкнула.

– А я говорил ему, – встрепнулся я, – нельзя чихать, ковыряясь в носу.

Ольга засмеялась, но быстро сделалась серьезной. Она не шевелилась, безотрывно смотрела в окно. Я залюбовался ее лицом, исполненным библейской печали. Что бы еще придумать, чтобы эти трое не расслаблялись? Чем заняться интеллигентной женщине на необитаемом острове? Все книги – наизусть, морковка сама растет...

– Порассуждаем об искусстве Иеронима Босха? – осторожно предложил я.

Ольга не ответила. Даже вида не сделала, что меня услышала.

– Уедем с острова? – продолжал я нарываться. – Сколько можно тут сидеть, скука смертная – звереем уже. И Кузьме надо мир показать. Тоскуем девять месяцев, пора и рожать. А в Новосибирске сейчас хорошо, людей почти нет, пробок нет, зверюшки бегают, простор, встречи с интересными созданиями...

Она медленно повернула голову и уставилась на меня, как на полного кретина.

– А что? – я не мог успокоиться. – Еще немного – и мы тут мхом порастем. А потом перебедем друг дружку по причине острых неприязненных отношений. Как насчет медового отпуска, дорогая? Нет, не сейчас, а как морковку выкопаем? В начале осени, когда жара спа-

дет? Быстро съедем твой урожай, сядем на яхту – и в Новосибирск. Тоску развеять. А то ведь помрем от безделья, согласись. Кабы не вчерашний морской бой – так и вспомнить нечего.

Она подумала, потом осторожно вытащила руку из-под одеяла и неуверенно покрутила пальцем у виска.

– Эй, вы там! – закричал с верхотуры Кузьма. – Вы еще в постели? Я схожу на море погуляю?

– С папой пойдешь гулять! – выстрелила ядом Ольга.

Наверху воцарилось недоуменное молчание, после чего разразился зловещий сатанинский гогот. Тема «приемного родительства» вызывала у оболтуса только такую реакцию. Лично меня она тоже напрягала, хотя я ничего не имел против малолетнего сорванца. За рожицей классического беспризорника, острым языком и бандитскими наклонностями пряталась ранимая несовершеннолетняя сущность.

– Бедный ребенок, – прошептала Ольга, – он погружен в пучину одиночества...

Впору самому разражаться сатанинским смехом. Я принял сидячее положение, уставившись на кучу «гардероба» в районе печки. В свете климатических условий, мы спали частично одетыми, но не сказать, что уж совсем.

– О чем задумался? – прошептала Ольга.

– Да есть тема, – признался я. – Не знаю, какие носки надеть. Чистые, но дырявые, или грязные, но целые?

– Хочешь сказать, я плохая хозяйка? – разозлилась Ольга.

Наверху что-то скрипнуло, посыпалось со стола (я сбил Кузьме из досок самый настоящий стол), раздался металлический стук, и что-то покатилося.

– Чернила на ковер пролил? – хихикнула Ольга.

И в тот же миг наш двухэтажный скворечник вздрогнул от душераздирающего вопля Кузьмы! Таких берущих за душу нот я не слышал даже в судьбоносный момент, когда он удирал от стаи кровожадных судаков! Наверху что-то треснуло – Кузьма с разбега вонзился в стену. Ахнула Ольга. Меня подбросило, ужас забился в голове. Подкинулся, разразившись лаем, Молчун. От толчка что-то хрустнуло в кровати, она просела. Я мчался, не разбирая дороги. Чуть не завалил буржуйку, обломал ступень на лестнице, прыгнув на нее всей массой, а когда влетел наверх и бросился по инерции дальше, перевернул стол, который рухнул на пол и сломал половицу.

Я встал как вкопанный. Картина в багровых тонах. Посторонних наверху не было – и то ладно. В нашем доме единственный вход – в нарушение всех противопожарных норм. Кузьма корчился в три погибели за скособоченной кроватью, моргал огромными глазами. На полу валялись какие-то тряпки, деревяшки, которые он по неловкости смахнул со стола. А еще там лежала и матово поблескивала зеленоватым гладким корпусом противопехотная граната Ф-1! Ее он тоже страхнул!

Я зажмурился. Граната не взрывалась. Соверши она это действие, и наш домик разлетелся бы к чертовой бабушке. Я осторожно приоткрыл один глаз. Гранаты с вставленной в запал чекой, как правило, не взрываются. Чека от удара не выскочила, ее держали разогнутые усики. Я осторожно поднял боеприпас, положил в карман. Пот катился градом. Кузьма сконструировал жалобную мордашку, отчетливо догадываясь, что сейчас будет. Я плевал на эти жалобные мордашки!

– Ты охренел, Кузьма?! – я чуть голос не сорвал. – Что граната делала на столе?!

– Карнаш, не трогай! – заверещал Кузьма, закрывая уши, которые я чуть не оторвал. – Не виноватый я! Рыбу хотел глушить! Ой, больно, Карнаш, пусти! – завыл подросток, когда я схватил его за шиворот и начал возить по полу, который давно пора было вымыть.

– Рыбу глушить?! – орал я. – Браконьер хренов! Ручками надо ловить!

– Ага, ручками... – гундел Кузьма, вырываясь из моих стальных клешней. – Я из-за этих тварей скоро без ручек останусь... Ну, что ты так завелся, Карнаш, ничего же не случилось...

– Идиот!!! – завопил я, швыряя пацана на койку. – Со Страшилы бери пример, придурок! Он так хотел, чтобы у него в голове было хоть немножко мозгов!

Я орал что-то еще, брызгал слюнями, потрясал кулаком. Кузьма, разумеется, не знал, кто такой Страшила. Я тоже плохо помнил. Он скулил, делаясь красным как рак. Я успокоился лишь после того, как примчался Молчун, подпрыгнул и принялся вылизывать мне лицо, намекая, что пора завязывать. Я выдохнул.

– Да уж, энергичненько, – сказала Ольга, тихо поднявшаяся вслед за мной. Она немного побледнела, подрагивали веки. – Ты в ударе, Карнаш, я впечатлена. Ты сломал ножку нашей кровати, разбил трубу, разнес ступеньку, уронил стол и проломил половицу. Впрочем, виню вата – половицу проломил не ты, а стол. Который ты зачем-то швырнул на пол. Молодец, Карнаш. Ты просто ежик на заводе презервативов.

– Что такое презерватив? – мгновенно среагировал Кузьма.

– Заткнись! – проорал я. – Будешь так себя вести, никогда не узнаешь! Я просто испугался, – проворчал я, виновато глянув на Ольгу. – Представляешь, что бы было, если бы она взорвалась?

– Мы бы об этом уже никогда не узнали, – она согласно кивнула. – Наше оружие – самое страшное оружие в мире. Никогда не знаешь, куда оно полетит и кого долбанет. А вообще занятно... – девушка задумчиво сморщила лоб. – Если падает вилка со стола – приходит девушка. Если падает нож – приходит злой мужик. А кто приходит, если падает граната?

– Полный капец приходит, – проворчал я и показал зашуганному Кузьме мозолистый кулак. Хотелось надеяться, что он все понял и осознал.

– Относись к нему снисходительно, – посоветовала Ольга, когда мы спустились, оставив Кузьму размышлять о своем поведении. – Не мы его рожали – не нам его переделывать.

– Что значит, «не нам его переделывать»? – возмутился я. – Разумеется, когда он нас взорвет, а заодно и себя, проблема перевоспитания отвалится сама собой. Подожди, – мне стало дурно, – а с чего мы взяли, что у этого шпингалета была лишь одна граната? Они лежат в коробке в подземном хранилище – сторожа там нет, бери сколько хочешь... Дьявол! – я снова полез наверх. – Прости, дорогая, но я не успокоюсь, пока не проведу у этого рыбака повальный обыск...

А ближе к ночи стало совсем не скучно.

– Все кончено... – шептала Ольга под трехслойным одеялом, обливаясь потом и истомой. – Карнаш, ты гадкий змей-искуситель... О, святой отец, я согрешила... Нет мне прощения, ибо я грешна...

– Вот и умничка, – бормотал я, поглаживая ее по впалому животу, – вот и славная девочка...

– Я вся горю... – стонала Ольга.

– Это называется «добыть огонь по технологии каменного века», – не без гордости сообщил я.

– Точно, – догадалась она, – трением.

Какое-то время нам не спалось. Высох пот, повеяло холодом. Пришлось накинуть кое-что из одежды. Мы лежали и прислушивались. Обиженный Кузьма у себя в голубятне делал вид, что спит – даже не сопел, паршивец. За окном завывал ветер – не было на острове такой ночи, чтобы он не завывал. Под тремя одеялами в компании любимой женщины было приятно. Отступали нехорошие мысли, пропадало ощущение затянувшегося конца света.

– Прости меня, Карнаш, – внезапно вымолвила Ольга слово не из своего лексикона, – я ведь все понимаю... все эти скандалы, мой вздорный характер... Просто иногда я забываю,

что в этом мире только мы живем сносной жизнью... Ну, может, еще кто-то, но их немного. Мы сыты, не мерзнем, вооружены, можем дать отпор. Вы трое – самые дорогие и близкие для меня существа. Боюсь представить, Карнаш, что было бы со мной, не встретить я тебя...

– Твоя мама осталась бы жива, – резонно заметил я.

– Да, это так... Какое-то время она была бы жива – ведь упыри, ее убившие, шли за тобой... Мы прожили бы месяц, может быть, два... Мы не смогли бы пережить эту зиму... Как ты думаешь, в городе еще остались люди? Ну, я имею в виду, не зараженные, не людоеды, не бандиты...

– Думаю, остались, – признался я. – Человек такое существо, что не может исчезнуть в одночасье. Но остаются только сильные, те, кто может сопротивляться. Ты права, твоя мама, наверное, не смогла бы выжить. В колонии – смогла бы. А в тех условиях, в каких вы жили...

– А за пределами региона еще осталась жизнь? А еще дальше – в Африке, в Америке? А есть ли на Земле такие места, где люди продолжают жить как раньше? Может, где-нибудь на экваторе, среди пальм?..

Я так не думал. Планета хрупка и ненадежна. Две трети суши лежат в сейсмически опасных областях. Основная жизнь сосредоточена по берегам – морей, рек, океанов. Под Северной Америкой и вовсе горячий поток магмы – кошмарный сон геофизиков и прочих исследователей. Все рассыпалось и развалилось в считанные мгновения. А уж потом потрудились вулканическая лава, пепел, всемирный потоп, радиация, инфекции – уничтожив то, что не было уничтожено сразу. Наш регион никогда не относился к сейсмически опасным. Здесь не было вулканов. Не было атомных электростанций. Не свирепствовали торнадо и прочие тайфуны. Здесь не было большой воды – за исключением Оби, отчасти поменявшей русло и слившейся в «водохранилище», посреди которого мы сидели. Здесь был умеренный континентальный климат – без перегибов и катаклизмов. И все равно – камня на камне не осталось. Что уж говорить о других областях планеты...

– Не знаю, дорогая, – отозвался я со всей искренностью. – Ну, разве где-нибудь на экваторе...

– А ты не задумывался, зачем... эти приплывали?

– Кто? – не понял я.

– Ну, эти... – она смутилась. – Которых больше нет с нами?

– Задумывался. Но только голова распухла. Давай условимся считать этот инцидент случайностью, хорошо? Парни ошиблись адресом. А завтра я укреплю позиции на господствующих высотах – чтобы там всегда были пулеметы и гранаты.

Мы правильно сделали, что оделись. Поспать удалось не больше двух часов. Стартовал еще один Армагеддон! Мы проснулись от оглушительного грохота – камни рушились с высоты на жестяные листы! Все слышно, остров крохотный – сто метров между бухтами на западе и востоке. Я в панике подпрыгнул. Первая мысль – землетрясение! Прочь из дома! Металась по кровати Ольга, лаял и подпрыгивал Молчун. На верхотуре выражался Кузьма. Поздно дошло: дом не падает, сигнализация сработала! Но пока я запрыгивал в сапоги, прошли драгоценные секунды. К дому уже бежали люди! Я заметался – дьявол! Нашло приключение наши задницы! В окно было видно, как шныряют на подступах к дому электрические лучи. Они уже были практически на пороге! Я подлетел ко второму окну. Там было темно. Выходит, шли не охватом. Тупо высадились в восточной бухте и подались к дому. Я схватил табуретку, швырнул в окно. Разлетелось стекло корабельного иллюминатора. Ольга металась параллельно со мной. Я схватил ее под мышку, поволок к окну.

– Карнаш, отпусти, ты перепутал, это же я... – сипела и брыкалась Ольга.

О, женщина! Разве спутаешь тебя с другим?

– Спрячься, глупая... – я просто выбросил ее в окно! Не до сантиментов. Она визжала, порезавшись об осколки, куда-то катилась, срываясь на не самые великосветские выражения.

Наверху повалился стол – второй раз за день. Еще одна примета? Я схватил автомат, рухнул на колени под окно, чтобы не мерцать. Толпа агрессоров обрушила неказистое крыльцо, лезла в дом. Лаял Молчун – и вдруг куда-то делся, затаился. Я начал стрелять, пока они не начали это делать первыми. От грохота «Калашникова» заложило уши. Двое или трое перевалились за порог. Мои пули ложились кучно, иначе и быть не могло. Но они не находили цель! Звенело и трещало, как в кузнице. «Щитами закрылись, – ужаснулся я. – Умники какие». В помещении царил тьма, я видел лишь, как тени растекаются по пространству. Эти люди были не очень разговорчивыми. «Неплохая дисциплина», – отметилось машинально. Я откатился на пару шагов, уповаю на то, что меня не сразу подстрелят. Наверху протяжно завизжал Кузьма:

– Вашу мать, Карнаш! Вы чё там делаете?!

И стартовала вакханалия! Командный голос орал, как рубил: «Трое наверх, взять пацана! И прикончить, наконец, этих двоих!» Ярость плеснула через край. Я снова вскинул автомат, намереваясь палить по ногам, но кто-то пнул по стволу, отрывисто гоготнул. Автомат улетел, я чуть указательный палец не вывернул. Засекли, сволочи! Не дожидаясь, пока меня завалят, я снова покатился к окну, мысленно отмечая, что решительная кучка лиц уже топает по лестнице. Там снова что-то трещало – Кузьма подтаскивал к лестнице стол, надеясь забаррикадироваться. А я уже взлетал, прикидывая, где добыть оружие. В окружающем пространстве – ничего! Пора, пора пересматривать свои взгляды на декорирование помещений... Я подпрыгнул, рывком сорвав гардину, прибитую над окном – тяжелый брус прямоугольного сечения, на котором висели брезентовые занавески. Пространства для замаха оказалось достаточно – меня еще не обложили. Меч судьбы, блин! Толпа поперла, побросав свои стальные щиты. Они усердно сопели. А я плевался матерками, как ротный старшина. Ударил гардиной, не разбираясь – на уровне лица. Бегущий первым краш-тест не прошел. Пока он кувыркался и ловил выбитые зубы, я успел отпрыгнуть и снова вознести разящее оружие. Очередному претенденту я прописал парочку гематом и с отрадой отметил, что теперь ему долго придется соблюдать постельный режим. Третий удар получился вялым – я, собственно, не железный, на моей гардине уже висели хрипящие субъекты. Я не стал хвататься за нее, как за соломинку, выпустил, отступил к окну. Ярости не убавилось. Какого черта?! Мы мирные люди! Возможно, в эту минуту я действительно напоминал пыхтящий с запасного пути бронепоезд. Я бился, как Спартак, не щадя ни себя, ни врагов. Я разил их – метким словом и мозолистым кулаком. Я бил во все, чего не видел, но чувствовал. Но агрессоры наседали. Вспыхнуло ухо от шикарной затрешины. Тупая боль от тычка прикладом пронзила плечо. Кончались силы, и в душу забиралось отчаяние. Я уперся копчиком в подоконник. Руки плохо слушались, я просто защищался предплечьями, стараясь не пропустить удары. Но все равно пропускал. И все же этот хмырь отлично подставился! Он попер на меня с таким видом, словно только что порвал на груди тельняшку. Я пнул его в причинное место, он согнулся, и тут уж я не устоял – врезал под нижнюю челюсть обоими предплечьями. Еще и засмеялся: дескать, мы вам обязательно позвоним. И пропустил момент, когда возник какой-то громила – и буквально протаранил меня! Дикая боль в груди, мир завертелся, рассыпался блестками. Мы оба вывалились в окно. Я не чувствовал ни холода, ни пронизывающего ветра. Наверху заревела целая ватага – а громче всех орал угодивший в западню Кузьма. Ему удалось вырваться, он катился по ступеням. «Хватайте шмакодявку!» – вопили с «голубятни». – «Не бить, он нужен целым!» Кузьма визжал, вырывался, но его поймали. И вновь во мне разыграло бешенство. Громила прижал меня к земле, сопел в лицо. Из пасти, перенаселенной бактериями, исходил смрадный дух. Но это был не людоед, он не собирался меня есть. Рискну предположить, что это был обычный человек. Я рывком подался вверх, врезав лбом в переносицу. Он что-то хрюкнул, а я развил успех, рвал ему уши, бил еще и еще. Он скатился с меня, я добил его локтем в грудь. И только собрался бежать обратно в дом, как он схватил меня за штанину. Увлекательное ощущение. Как на эскалаторе: если бы перила и ступени поехали в разные стороны. Я балансировал, чтобы не упасть. В голове взрывались

мины. Утробный рык – что-то юркнуло под ногами, и скромник Молчун, взявшийся непонятно откуда, вцепился агрессору в запястье, прокусив насквозь. Клешня разжалась. Громила задержал ногами, теряя сознание. И все же я дал ему по ребрам подошвой, чтобы не тянул с этим делом. Молодец, Молчун! Не образец, конечно, отваги, но точно с мозгами. Я бросился в дом, исполненный решимости. Но все уже было предрешено. Кузьма еще брыкался, но больше не визжал – только глухо выл. А навстречу из дома валила толпа.

– Мочи его! – взревела «большая глотка». Я рухнул на спину, перекатился на загривок. Закрученный удар нижними конечностями (как пошутила однажды Ольга: «ногами оригами»), и первый претендент на мою единственную жизнь собрался в гармошку, повалился, хватаясь за живот. Я взмыл на колено, собираясь биться до последнего. Но, увы – третьего глаза на затылке не было. Кто-то подкрался сзади, ткнул меня прикладом в темечко. Я не потерял сознание. Сжал зубы, приказал себе ничего не терять. Но устоять на одном колене было трудно. Я завалился на бок, покатился... и не смог затормозить! Хотя, возможно, к лучшему. Местность в трех шагах от крыльца шла на понижение. Я катился вниз, с ужасом догадываясь, что еще немного, и шмякнусь с обрыва на скалы! Вцепиться было не во что – камни, за которые я хватался, выворачивались из земли и катились вслед за мной. За кадром кричали люди, простучала автоматная очередь. Мне повезло, что я знал этот остров как свои пять пальцев. Я выкатился к обрыву, едва не смяв Ольгины «парники». На краю удалось зацепиться за торчащий из кручи кусок скалы. Но инерция работала, ноги уже перевалились за край. Возможно, проявив усилия, я смог бы остаться на краю, но это был не лучший вариант. От дома уже бежали люди. Я пыхтел, синел от натуги, но держался. Зачем?

Летать так летать. Я перенес центр тяжести вправо и оттолкнулся от обрыва, разжав руки.

Я упал спиной на узкую площадку притулившейся сбоку скалы. Еще полметра в сторону – и я бы сверзился в пучину, превратив себя во вместилище битых костей и раздавленного ливера. Боль была ужасная, позвоночник трещал. Но я не мог позволить себе такую роскошь – потерять сознание. Я отползал, отталкиваясь пятками, в вертикальную расщелину. А едва туда забрался, на обрыв высыпали люди, и местность озарили фонари.

– Где он? – вымолвил кто-то с хрипотцой. Я стиснул зубы – так меньше трещала голова.

– Да хрен с ним, – сказал другой, – не нужен нам этот мужик. Пусть живет... если выжил, конечно.

– Эй, командир, тут еще баба была! – выкрикнул кто-то из глубины острова. – Не видно ее что-то!

– Отставить бабу! – проорал командир. – Пусть живет! Нам мальчишка нужен! Бабай, отвечаешь за него головой! Чтобы ни одна волосинка с парня не упала! Уходим, парни! Хватайте этих доходяг – и вниз!

По-видимому, я все же отключился. Впрочем, ненадолго. Когда я очнулся, посетители еще не покинули остров. Я вспомнил все и чуть не взвыл от отчаяния. Но боевая энергия иссякла. Я вертелся, выкручивался из теснины, пополз внутрь рассеченной пополам скалы. А толпа уже спускалась в восточную бухту. Их было не меньше дюжины. Мычал и брыкался Кузьма, которого сунули в мешок. Стонали раненые – их волокли и покрывали матом. Четверым я точно накостылял. Но это было слабое утешение. Я выползал из расщелины – весь ободранный, побитый, униженный.

– Извини, братан, мы тут немного натоптали! – простодушно гоготнул какой-то остряк.

Я уже не успевал ворваться в дом, схватить автомат и перестрелять их к чертовой матери. Да и куда стрелять в этой темени, в Кузьму попаду... Ноги закручивались, я брел, как пьяный, спотыкался, насаживал ссадины на коленки. Прибежал Молчун, начал виться под ногами, трус несчастный... Я пока еще не задумывался, что это было, блуждал сомнамбулой. В восточной бухте кряхтел, разогревался двигатель – понятно, что морские бандиты прибыли сюда не на подводных буксировочных аппаратах...

Подвернулась нога, я взревел от боли... и вернулся в чувство! Прояснилось в голове. Бандитов в центральной части острова не осталось, они грузились на судно. Я бросился в дом с пылающей головой. А вскоре уже метался с фонарем. Повсюду бардак, вещи разбросаны, окно разбито, кровь, лестница вдребезги. Мой автомат валялся на полу. Нет, я пока не задумывался, почему бандиты не позарились на еду, на оружие, на Ольгу, наконец! В раю живут, у каждого по семьдесят три девственницы?! Зачем им шпингалет Кузьма – от горшка три вершка?! Я схватил автомат, выбежал из дома, бросился искать Ольгу. Я метался по двору, боясь кричать, потому что бандиты еще не уплыли. Снова что-то переклинило. Я ахнул – Кузьму увозят! Бросился к южной бухте – и застыл. Мотор работал ровно, судно уже не стояло. Нет, я должен был успокоиться. Я сделал глубокий вдох... И обратил, наконец, внимание на истошный лай Молчуна. Он стоял под скалой в паре метров от обрыва и старательно лаял, привлекая мое внимание. Спихватившись, я бросился в те края. Он обнаружил Ольгу, честь ему и хвала! Еще немного, и девушка бы сверзилась с обрыва. Она тоже катилась, когда я ее выбросил из окна, вдавилась в узкую расщелину. Она стонала, шурилась, тщетно пыталась выбраться. Ее зажалю. По лбу стекала струйка крови, но, похоже, ничего фатального, царапина. Впрочем, тряхнуло ее качественно.

– Ты кто? – она ничего не видела, царапала ногтями края расщелины.

– Твой до дыр, – пошутил я и начал извлекать ее из теснины с такой осторожностью, словно она была воздушным шариком, а я кактусом.

– Я умираю, да, Карнаш? – вяло шептала Ольга. – Меня так вертело, я, ей-богу, тоннель видела... А может, я уже умерла? И ты тоже?

– Давай поговорим об этом, – ворчал я, – но лучше позднее. Мне кажется, ты торопишься в лучший мир.

– Я не хочу в лучший мир... Я хочу в этом никудышном остаться...

Она пришла в себя, когда я выдавил ее, как пасту из тюбика, и утвердил вертикально. Всполошилась, завертела головой. И было с чего. От восточной бухты, разрезая волну, отделился довольно крупный катер и начал по дуге забирать влево на борт. Вскоре стало ясно, что он обходит остров с северной стороны, движется на запад, к Новосибирску. Мы угрюмо смотрели, как он проходит мимо нас – старое речное корыто, грохочет, словно трактор «Беларусь». На палубе, похоже, никого не было, вся ватага растворилась в надстройке. Вспыхнул бортовой фонарь, озарив пространство перед баком. На нас никто не обращал внимания – подумаешь, две фигуры на фоне ночного неба. Какое им дело до нас?!

– Карнаш, миленький, что происходит? – Ольга вцепилась мне в рукав.

Я слишком долго – преступно долго! – выбирался из оцепенения.

– Походу Гражданская война в Сибири... – натужно пошутил я. – Суки, они Кузьму похитили!

– З-зачем?

– А я знаю?! Вот он, факт! На нас им плевать, а на тебя тем более! Еды им не надо, оружия не надо, им нужен только Кузьма – причем в живом и неизбитом виде! За нашим пацаном пришли, усекаешь? И те, что раньше были, приходили за пацаном! Только те были дураки, а эти умные!

– Но это какая-то абракадабра... – пробормотала Ольга, провожая глазами катер. Корма отчасти освещалась и явно держала курс на запад.

– Точно! – гаркнул я. – Абра! – мать ее! – кадабра! Именно то, что не вмещается в голову!

– И что теперь делать? – мы оба непростительно тормозили.

– Откуда я знаю? – кипел я. – Восстановим резервную копию, объявим в международный розыск...

– Ты куда? – вскрикнула она, когда я бросился к дому.

– Чай с печеньем пить! – рявкнул я.

Я носился по жилищу, запинаясь о разбросанные вещи и предметы обстановки. Дорога была каждая минута. Я не думал о себе, не думал о том, что совершаю очередную глупость. Перед глазами стояла озорная мордашка нашего пацана. Бандит, оболтус, басурман! Но он же ребенок, он свой, родной, мы привязались к нему, как к собственному сыну. И от мысли о том, что какие-то головорезы увозят его в мешке, делалось дурно. Я лихорадочно натягивал теплые носки, ватные штаны, кофту, брезентовую куртку с ватным утеплителем, меховую бейсболку. А Ольга крутилась вокруг меня и не могла взять в толк, чего я задумал. Женщины жуткие тормоза!

– Это ты во всем виноват! – завизжала она.

Просто замечательно – если женщины в наше время ощущают потребность в скандале.

– Знаю, – буркнул я, – это я во всем виноват. Я и исправлю.

– А это зачем? – не поняла она, когда я взвалил на плечи «тревожный» рюкзачок, лежавший в укромном месте за печкой.

– На военные расходы, – передразнил я ее, после чего заговорил нормально. – Постараюсь догнать и выяснить, что за хрень происходит. Душу выну из них за нашего пацана!

– Подожди, – спохватилась Ольга, – я с тобой, – и тоже заметалась по двухэтажной конуре, сгребая в кучу одежду.

– Нет! – отрубил я. – Ты остаешься! Я скоро вернусь!

– Вот тебе! – она выставила сразу два кукиша. – Вы же оба пропадете без женщины!

– Нет! – отрубил я. – Не обсуждается! Война не женское дело! Ты никуда не едешь!

В конце концов, убоится она когда-нибудь мужа своего?

– Я не поняла, – удивилась Ольга, – ты меня выслушал или услышал? Я каким языком сейчас сказала – я тоже еду! Может, на лбу тебе топором вырубить?

Переспорить женщину – что пуд соли съесть всухомятку. Урезонить ее можно было точным ударом между глаз, но я постеснялся. Махнул на нее рукой и, не дожидаясь, пока она изволит собраться, побежал к бухте. Скулящий Молчун галопом припустил за мной. А этот куда? По Кузьме соскучился? Я перебирался с камня на камень, в спешке чуть не сорвался – тропа к плавсредству была, мягко говоря, не протоптана. Мы одновременно запрыгнули на борт. Я стаскивал брезент с надстройки и палубы, он помогал – тащил его зубами, но больше путался под ногами. Как же мило, что я все девять месяцев поддерживал корыто в рабочем состоянии. Чуть скандал – так я в «гараж». Уходил на судно и часами с ним возился. Отскабливал ржавчину, смазывал рабочий механизм, прогревал вхолостую двигатель. Словно чувствовал, что однажды эта «ласточка» пригодится. В последний раз я был здесь неделю назад. Механизмы работали исправно, протечек не было, груз в трюме крысы не съели (откуда на острове крысы?). Двигатель завелся со второго подхода – закоптил, затрясся, зачадил. Я медленно выводил посудину из бухты, когда с воплем: «Ты куда, Одиссей?» на палубу шмякнулась взбешенная Ольга и помчалась ко мне в рубку. Я чуть язык не откусил от изумления. Она прекрасно выглядела. Валькирия, горящая желанием всех порубить! Ноздри хищно раздувались, в глазах теснилась молния. Она забыла убрать под шапку волосы, и они струились по плечам воронеными каскадами. Хорошо хоть оделась не в вечернее платье. Ватная куртка с меховой опушкой и капюшоном, четверо штанов, утепленная «конфедератка» с козырьком, закрепляемая ремешками под подбородком.

– Не забыла выключить газ, воду, бытовые электроприборы? – нашел я время на ехидство.

– Даже не знаю, кто меня больше бесит, – выплюнула Ольга, – ты или эти ублюдки. Мы снова по уши в дерьме, ты готов это понять?

– Готов, – буркнул я. – Нет такой проблемы, которую мы не могли бы создать. А сейчас позволь, я немного поработаю, а ты помолчи и подумай о том, кто виноват и что, собственно, происходит. Уверяю тебя, ты придешь к удивительным выводам.

Вражеский катер отделился мили на полторы, но огонек поблескивал. Других судов в обозримом пространстве не было. Мы не включали никаких огней, поэтому сомнительно, что они нас видели. Но возникало опасение, что они прибавили скорость. Поначалу мы вроде бы сближались, потом перестали, так и шли, сохраняя дистанцию. Я выжимал из каракатицы все, что мог. Идти быстрее она не могла. От силы двадцать узлов – тридцать два километра в час. Тупой форштевень разрезал волну, за кормой бурлила и пенилась вода. Дул сильный ветер, посудину качало, и ощущения при этом возникали самые острые. Боковых иллюминаторов не было, мы разобрали их на окна в доме – отчего острые ощущения усиливались. Ольга успокоилась, перестала обливать всех грязью. А ведь пару минут назад досталось даже Кузьме! Она договорилась до того, что все дети сволочи, а потом призадумалась и устыдилась. Она стояла рядом, вцепившись в ржавый поручень, напряженно вглядывалась в темноту. По щекам бежали слезы.

– Мы же не бросим Кузьму, верно, Карнаш? – шмыгала она носом.

– Верно, – ворчал я, – мы даже мертвого Кузьму не бросим. Прости, несучу. Догоним, не волнуйся. Пусть не ночью, на рассвете, но обязательно догоним и учиним безжалостную разборку.

– А если не догоним, и они высадятся в городе?

– Значит, пойдем за ними в город.

– Но объясни... Я думаю и никак не могу понять... Зачем им Кузьма? Он всего лишь ребенок...

– Может, в этом и причина? – что-то заворочалось в груди, но до открытия страшной тайны еще было далеко.

– Что ты хочешь сказать? – она чуть не подавилась.

– Не знаю, – процедил я, – можешь выстроить любую гипотезу. Скажем, отец нашелся у Кузьмы – главарь какого-нибудь жестокого криминального сообщества. Или усыновитель объявился – жаждет ребенка, а детей в нашем мире, сама понимаешь, с гулькин нос.

– Чушь, – подумав, заявила Ольга, – отец Кузьмы всего лишь жулик. Он своего сына в глаза никогда не видел и плевать на него хотел. Версию же с «усыновителем» даже рассматривать не хочу.

– А теперь еще раз подумай, – сказал я. – За последнюю неделю нас навещали четырежды. Сперва полюбовались в бинокль. Мы не скрывались, Кузьму они видели. Потом подошли поближе – словно убедиться хотели, что не ошиблись. Увидели, что мы с оружием, и убрались. Что было в третий раз, ты знаешь. Всех уже съели. Сегодня ночью – четвертое посещение. Заметь, во всех инцидентах посуды и команды были разные. Если допустить, что руководство этими парнями осуществляется из одного центра, то криминальное сообщество, согласись, неслабое. Оно оснащено, вооружено, имеет связь, неограниченную живую силу и способно передвигаться на большие расстояния по смертельно опасным местам. В войске строгая дисциплина – они не бросились грабить наш дом, насиловать тебя. Они забрали Кузьму и смылись – поскольку только в этом состояла их миссия. Мужики были крепкие, подготовленные и неплохо вооруженные.

– Но ты сам-то веришь... – она помедлила, – что кто-то разглядел в бинокль Кузьму, узнал его с такого расстояния – а потом доложил главарю, то есть составил его словесный портрет? Кузьма бродяжил половину своей сознательной жизни, его в принципе никто не может узнать...

– Ты права, – согласился я, – Кузьму сейчас даже мать родная не узнает. Которую, кстати, умертвили люди небезызвестного Сильвестра.

– Так в чем тогда прикол? – ее обескуражило, что я не собираюсь с ней спорить.

– А не нужен ли им ЛЮБОЙ ребенок? – буркнул я и замолчал, пораженный догадкой.

Гавкнул Молчун из-под приборной панели: дескать, да, возможно, в моих словах имеется доля резона. Ольга молчала, сообразив, что ничего информативного из меня не вытянуть.

Несколько минут мы угрюмо помалкивали. Я вцепился в штурвал, расставил ноги – борьба с морскими ветрами требовала недюжинной силы. Ольга грела ладошки на приборной панели – от нее исходило немного тепла. Я оценивал расстояние до неприятельского судна, и в какой-то момент мне показалось, что дистанция сокращается.

– И чего стоим? – покосился я на Ольгу.

– Кадриль сплясать? – разозлилась она.

– В трюм топай. Или руль держи – сам потопая. Но только не удержишь же, перевернемся... В общем, неси оружие, боеприпасы и проводи ревизию всего, что там осталось. Постарайся управиться за десять минут.

Я с жалостью смотрел, как она волочет из трюма тяжелые пулеметы конструкции Калашникова с ленточной подачей боепитания (у каждого под цевьем был прикреплен металлический контейнер с лентами), устанавливает их на носу. Потом притащила в рубку пару АКСУ, несколько подсумков с запасными магазинами, десяток лимонок в специально приспособленном «сундучке». Два ножа армейского образца (устаревших моделей) в обтрепанных кожаных ножнах.

– В трюме есть еще какое-то оружие, – отдышавшись, сообщила она, – но, думаю, хватит. Есть продукты – вяленая рыба и несколько банок тушенки, есть несколько упаковок тетрациклина, спички. Тоже нести?

– Неси.

– То есть ты уверен, что в море мы этих ублюдков не догоним? – у Ольги дрогнул голос, и глаза подернулись тоскливой поволокой.

Я молчал. Она не подвергала меня испепеляющей критике, понимала, что я выжимаю из корыта всё. Ощущение сокращающейся дистанции оказалось ложным. Кормовые огни не приближались. Я должен был сделать все возможное, чтобы они не стали отдаляться. Тоскливые предчувствия забирались в душу. Интуиция упорно намекала, что на свой благословенный остров мы не вернемся ни сегодня, ни завтра...

Несколько раз возникало чувство, что мы плывем в гору. Это был абсурд, но иллюзия работала идеально. Вода становилась вязкой, картинка перед глазами приближалась под углом – как будто мы находились у подножия холма, который предстояло покорить. С холма обрушивались волны, суденышко вздымалось, падало, носовую часть захлестывало. Несколько раз я терял из вида бортовые огни неприятеля, впадал в панику. Мы с Ольгой до «катаракты» в глазах всматривались в непрозрачную муть, кричали от радости, когда засекали огонек. А те словно издевались – практически всю ночь держались на одном и том же удалении! Мы мерзли, хлопали себя по плечам, чтобы согреться, и черной завистью завидовали Молчуну, который скорчился под приборной панелью и не испытывал неудобств. Не оставалось даже тени сомнений: этой ночью мы домой не вернемся. Но я пока не нервничал. Координаты острова я, в принципе, знал, а если кто-то там вздумает без нас поселиться, то это будет его главной и последней ошибкой в жизни! Несколько часов мы не смыкали глаз. Потом волнами стал набрасываться сон. Море успокоилось, грузные волны уже не вздымались. Ольга вздремнула пару часов под ворохом мешковины, а потом и я рискнул доверить ей штурвал, тоже отключился, взяв с нее слово будить меня при первой же опасности.

Когда я очнулся, каракатица плавно покачивалась на легкой волне. С отрывистым скрежетом бубнил мотор. Тьма рассеивалась, и под лопаткой тревожно заныло. Ольга не будила меня, увлеклась панорамой. Я пристроился рядом, перехватив штурвал, и тоже оценил по достоинству «видеоряд». Море успокоилось. Над окружающим районом властвовала предутренняя полумгла. Дым висел клубами, переплетаясь с облаками, создавая над головой при-

чудливые картины. Мы шли на запад – на максимальных оборотах двигателя. С каждой минутой небо делалось светлее, проявлялась серая видимость. Люди, похитившие Кузьму, погасили бортовые огни, в них не было больше смысла. На дистанции в полторы мили просматривалось серое пятно. Вероятно, и они нас заметили, хотя никак не реагировали – монотонно шли своим курсом. На юго-западе из пелены мрака выплывала земля...

Сердце тревожно сжалось. С чего начинается Родина? Прерывисто задышала Ольга, отыскивала мою руку. Из белесой хмари, словно из тьмы средневековья, выросал Новосибирск. Город-сказка, город-мечта... Огромный город, растянувшийся на сорок километров, единственный мегаполис за Уралом, мрачное нагромождение руин и вывороченных пластов земли... Мы приближались к северным предместьям, у которых плескалось море. Вырисовывалась рваная полоска берега, бесформенные бугры развалин. Два окраинных северных микрорайона, ставшие перед катаклизмом чуть ли не отдельными городами – с развитой инфраструктурой, с сетью дорог. Здесь жили десятки тысяч людей, всяких разных, бедных и богатых, замученных работой и бытом, приговоренных к ипотекам и автокредитам... Пятый и шестой микрорайоны. Снегири и Родники. Если от второго ничего не уцелело (высотки рухнули, от них остались лишь холмы строительного мусора), то на первом сохранились относительно целые строения. Устояли даже несколько высотных зданий – они торчали в небо жутковатыми «фаллосами», касаясь макушками пепельной дымки. Чернели глазницы окон. Девять месяцев назад здесь жила и развивалась сильная колония. Власть захватили решительные дамы, презирающие мужчин. Царствовал жесткий, основанный на железной дисциплине матриархат. Мужчины находились в подчинении у баб и даже не пытались поставить под сомнение свой униженный статус. Колония была неприступной. Амазонки давали отпор любому, кто приходил не с добром. Но канули в пропасть девять месяцев. В городе фактически не оставалось еды. Что теперь происходило на 5-м микрорайоне? Не было сомнений, что «урбанизированный» район с населением в несколько тысяч здоровых людей давно стал объектом внимания людоедов, зараженных, зверей-мутантов. Достаточно лишь прорваться на одном небольшом участке...

Мы с тревогой всматривались. Если похитители повернут к Снегирям, то все пропало. Значит, имеется договоренность с амазонками. Их пропустят, а нас прибьют, вспомнив физиономии людей, устроивших тарарам в сентябре и укравших у них судно! Но вроде обошлось. Развалины микрорайона оставались слева, бандиты не меняли курс. Наоборот, они забирали к северу, стараясь держаться подальше от берега. Я тоже стал сдавать на борт. Развалины отдалялись. Примерно в миле проплывал причал, с которого в прошлом году стартовал наш победный заплыв. Бинокля в хозяйстве не было, и что там происходит, по-прежнему оставалось загадкой. В районе пирса проявлялись суденышки – то ли действующие, то ли заброшенные. В глыбах вывороченной глины возились какие-то существа. Мы не могли разобрать, что они там делали. Словно черви копошились в клубке. Мелькнули две тени на косогоре – судя по всему, четвероногие. Они спрыгнули с обрыва и примкнули к группе «червей», отчего возня сделалась энергичнее. Ольга сглотнула, я тоже почувствовал позыв к рвоте. Лучше не смотреть...

Развалины микрорайонов остались позади. Такое ощущение, что море поворачивало влево. На юге простирался гигантский залив, вдающийся в глубь городских окраин. Вражеский катер повернул на сорок пять градусов и взял курс на юго-запад – туда, где в светлеющей дымке проступала еще одна полоска берега.

– Куда они идут? – стонала Ольга, сжимая кулаки. – Зачем им Кузьма? Что теперь с ним будет?

– Найдут в Нахаловке с перебитыми номерами? – не очень удачно пошутил я. Она так на меня посмотрела, что пропало всякое желание шутить.

– Он постоянно нас бесил... – завела она опять поднадоевшую песнь. – Мне всегда хотелось хорошенько ему всыпать... – она зашмыгала носом, глотала слезы. – А сейчас так плохо,

мы так привязались к нему, он был для нас почти сыном... Знаешь, я бы полжизни отдала, чтобы только вернуть Кузьму... Господи, миленький, ну, сделай, чтобы он вернулся...

– Не того просишь, – проворчал я, – лучше меня попроси – больше проку будет. И вообще прекращай ныть. Слезами горю не поможешь, а уж нашему горю – тем более.

Она притащила рюкзак, и через пару минут мы мрачно жевали вяленую рыбу, запивая ее водой из фляжек. Что-то подсказывало, что надо плотно поесть. Судаки-мутанты имели тот же вкус, что и их предшественники – тоже хищники, но не бросавшиеся очертя голову на все живое. Насытившись, мы проглотили по пять таблеток тетрациклина – спасибо амазонкам, что не оставили нас без спасительных пилюль. В отсутствии лекарств жизнь в Новосибирской области была похожа на лотерею: то ли подхватишь «инфекцию зомби», то ли нет...

Антураж угрожающе менялся. Море обрывалось (хотя на севере ему ничто не мешало разливаться дальше, и порой возникала мысль, что именно в него теперь впадает наша Обь, а не в Карское море). Прошло не более получаса, а мы уже совершали «каботажное» плавание – шли с севера на юг вдоль береговой полосы. Справа, в трехстах метрах, возвышалась ломаная линия берега, вывороченная земля, развалины частных домов, покрытые слоем грязи и пепла. Я пока еще плохо ориентировался. Похолодало – хотя в окрестностях суши, наоборот, должно было потеплеть. Ольга поворчала и принесла из трюма еще по одной фуфайке. Мы набросили их поверх уже надетых и вновь прилипли к иллюминатору. Бандиты определенно нас заметили – трудно не заметить висящую на хвосте посудину. Но никакой реакции! У них имелась цель, и они неуклонно ей следовали. В какой-то миг я обнаружил, что они сбавляют ход. Особо радоваться я не стал – приблизился метров на семьсот и тоже притормозил. Мы медленно шли вдоль берега, как бы игнорируя друг друга. К пулеметам пока не бросались, прыгнуть на палубу – секундное дело. Руины частного сектора чередовались с пустырями, с развалинами мелких предприятий. Живых существ на берегу не было. Это был какой-то странный берег. В воздухе ощущался запах гари. Подобный запах царил тринадцать лет назад, когда одновременно жажнули все действующие вулканы, и планету окутало смогом. В наше время этот запах слегка развеялся. Но в данном квадрате он чувствовался остро. На этом странности не обрывались. Над районом уплотнилась дымка, стало темно, как в сумерках. Густые клубы витали над водой, напоминая завихрения тумана. Разница заключалась в том, что туман обычно надвигается с моря, а данные образования надвигались с суши. Пришлось добавить обороты, чтобы не потерять из вида противника. В отдельные моменты он уже скрывался в дымке.

– Я не понимаю, Карнаш... – шептала Ольга, прижавшись ко мне плечом. – Почему в этой местности на берегу моря нет ни одной колонии? Возможно, тут опасно, но ведь везде опасно, нет? Море – бесперебойный поставщик рыбы. Люди, живущие здесь, постоянно были бы с едой. Колонисты и преступный элемент должны биться смертным боем за эти райские местечки, но ничего такого нет. По нам не стреляют, нас не гонят обратно в море...

– Чувствуешь, как здесь холодно? – пробормотал я. – В городе в июле месяце не должно быть такого лютého холода. Это самый теплый месяц в году. Здесь ядовитая атмосфера – дай бог, мы в ней не задержимся. Постоянно этот дым, от которого слезятся глаза... Аномальная зона – даже по меркам нашего времени.

– Когда это останавливало храбрых колонистов и обдолбанных бандитов?

– Не знаю, дорогая... Возможно, были люди, пытавшиеся наладить здесь жизнь. Но до нашего времени они не дотянули.

– Что-то гложет меня... – она обняла себя за плечи и задумалась.

– Глисты или черви сомнения? – неловко пошутил я, но она не слышала. Я ощутил толчок, вздрогнул ржавый корпус корабля. Ольга испугалась и схватилась за поручень. Проснулся Молчун, метнулся к стенке, вжался в нее, зарычал. Вспучилось море, но как-то быстро все осело. С обрыва на берегу покатила глыба, свалилась в воду, взметнув брызги. Толчок сопровождался утробным урчанием из недр. Мы напряженно ждали, не повторится ли удар.

– Дьявол... – облегченно переводя дыхание, прошептала Ольга. – Только этого не хватало...

– Локальный толчок, – озираясь, пробормотал я, – не факт, что он ощущался по всему городу. Участок повышенной сейсмичности. Возможно, это одна из причин, по которой люди не хотят здесь жить...

Мы не заметили, что неприятельское судно снова сбавило ход, и мы приблизились к нему еще на двести метров! На задней палубе перебежали и залегали человеческие фигурки.

– Карнаш, поддай газу! – встрепенулась Ольга. – Пошли разбираться!

Предложение, равносильное самоубийству. У бандитов подавляющее преимущество, и вооружением на борту они располагали, видимо, достаточным, чтобы отправить нас ко дну. Стиснув зубы, я медленно сокращал дистанцию. С кормы простучала пулеметная очередь. Пули вспучили воду метрах в тридцати перед баком. Мы пригнулись. Ольга схватила меня за руку.

– Давай, Карнаш, решаемся. Нарачивай обороты, будем таранить. А я бегу на палубу к пулемету, они у меня и головы не поднимут...

Временами эта женщина теряла представление о здравом смысле. Я не успел открыть рот, чтобы поставить ее в известность, что не желаю раньше времени становиться вдовцом, как она уже оттолкнула меня, освобождая доступ к лестнице. Простучала вторая очередь, она замешкалась, я схватил ее за шиворот и прижал к полу. Пулеметчик пристрелялся: на этот раз пули попали в борт, хотя не думаю, что причинили судну фатальные повреждения. Ольга разочарованно пыхтела. Я приподнялся и обнаружил две занимательные вещи. Первая: катер с бандитами развернулся перпендикулярно берегу и устремился к нему на полной скорости! И вторая: с материка подходило рыжеватое пепельное облако, и спустя минуту-другую мы окажемся в его власти и полностью «ослепнем»! Я крикнул Ольге, чтобы сидела на месте, а сам встал к штурвалу и перевел рычаг. «Полный вперед!» Каракатица помчалась вдоль берега, изрыгая рев и лязг. А наперерез нам мчались рыжие клубы – словно выстрелил кто-то из дымной пушки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.